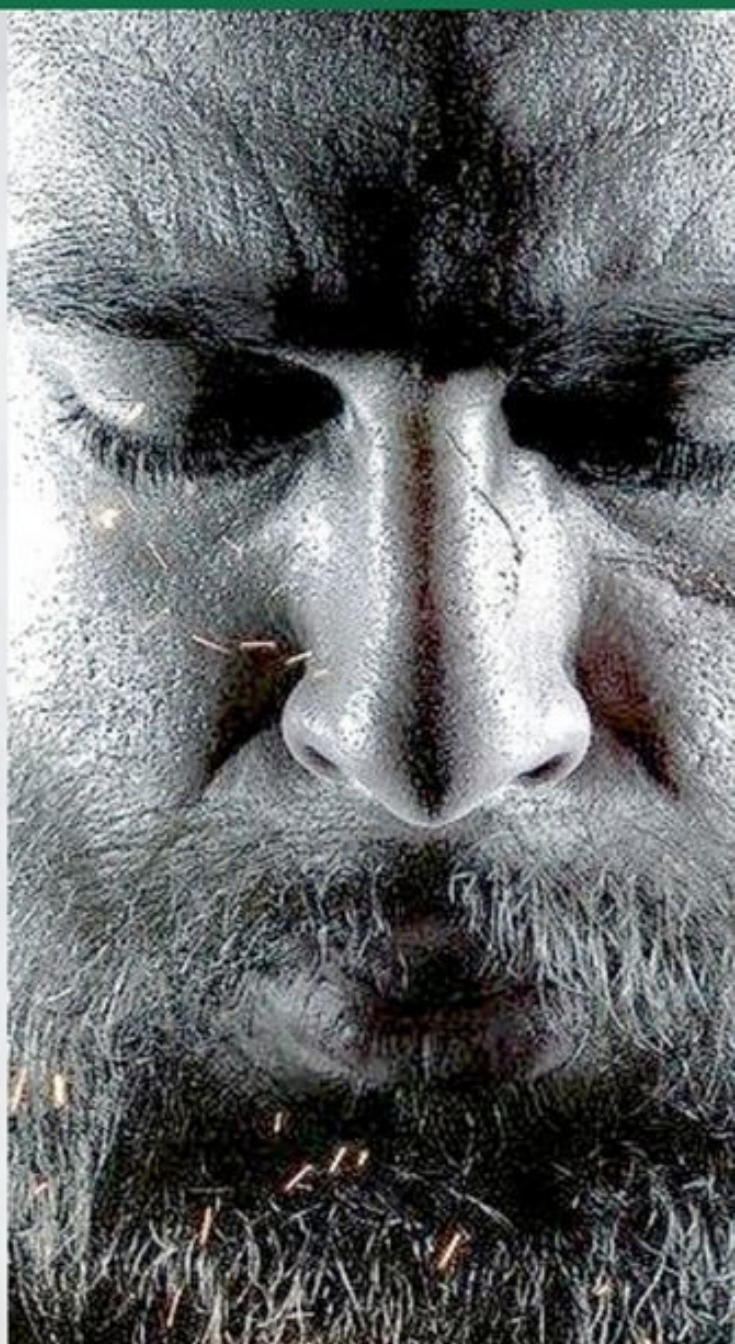

18+

ЛЮБОВЬ СУШКО

Восставший из пепла

Князя и воины

Любовь Сушко

**Восставший из пепла.
Князя и воины**

«Издательские решения»

Сушко Л.

Восставший из пепла. Князья и воины / Л. Сушко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907649-6

Это повествование о последнем из русских князей, жившем в эпоху проклятого татарского ига. Дмитрий Иванович, прозванный Донским, распрямил плечи и перестал подчиняться тому, что происходило. И грянула Куликовская битва, кровавая и поворотная в истории нашей. Она стала первым шагом к освобождению от вечного плена и рабства.

ISBN 978-5-44-907649-6

© Сушко Л.
© Издательские решения

Содержание

Восставший из пепла	6
Часть 1 Юность князя Дмитрия	9
Глава 1 Затишье	9
Глава 2 На земле Московской	12
Глава 3 Бескрайние просторы	14
Глава 4 Славянский мир	16
Глава 5 В келье Сергия	19
Глава 6 Великий князь	22
Глава 7 К цели	24
Глава 8 Невеста князя	26
Глава 9 Брошенная	29
Глава 10 Приезд невесты	31
Глава 11 Свадебный пир	34
Глава 12 Молодая жена	36
Глава 13 Первые ссоры	38
Глава 14 Перед народом	40
Глава 15 Угрозы	41
Глава 16 Противостояние	43
Глава 17 Проводы	45
Глава 18 В Кремле	47
Глава 19 У Мамаю	49
Глава 20 Возвращение	51
Глава 21 Соперница	53
Глава 22 Сговор	55
Глава 23 На перепутье	57
Глава 24 Подвиг Боброка	59
Глава 25 Осложнения	61
Часть 2 На пороге дня	63
Глава 1 Во Владимире	63
Глава 2 Угроза Рязани	66
Глава 3 Разгром	68
Глава 4 Подготовка к броску	70
Глава 5 Княгиня	72
Глава 6 Вера и безверие	74
Глава 7 Прошлое в настоящем	76
Глава 8 Мечты и планы	77
Глава 9 Над Словом Игоревым	79
Глава 10 А тем временем	81
Глава 11 Ожидание	83
Глава 12 Черное и белое	84
Глава 13 Неразбериха	85
Глава 14 В загородном лесу	86
Глава 15 В раздумье	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Восставший из пепла Князя и воины Любовь Сушко

© Любовь Сушко, 2024

ISBN 978-5-4490-7649-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь Сушко

Князь Дмитрий Донской

Восставший из пепла

*Доколе нам перед тираном
Склонять покорно голову,
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву.
Не нам, не нам страшиться битвы.
С толпами грозными врагов
За нас и Сергия молитвы.
И прах замученных отцов.
К. Рылеев*

БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ ВСТУПЛЕНИЕ

Сколько бесконечных дней, ночей и лет была земля русская под пятой презренного хана. Сколько голов русских князей полетело, сколько их было отравлено и умерщвлено в проклятой орде от Батыя и до последнего хана, называвшего себя Мамаем. А те, кто выжил и вырвался из жутких зловонных объятий, сколько несчастий и унижений должны были они пережить. И отравы в угощениях ханских чернила их тела и души светлые. Сильные и могущественные потомки варягов, помнившие еще былины об Олеге, Рюрике и славных богатырях русских, оставались слабыми, несчастными и униженными. Казалось, что нельзя пережить и терпеть такое, но переживали и терпели. Хотя рано или поздно должно было долготерпение их лопнуть.

Давно уже в монастырях православных и языческих капищах говорили о пришествии нового князя, сильного и могущественного. На него оставалась вся надежда. Он должен был освободить землю русскую от рабства дикого, от татарвы проклятой. И князь-герой этот и сам кланяться не будет бабам проклятым, и детям и внукам своим не позволит делать этого.

Но где он – богатырь этот? С какой земли придет он в темный и униженный мир? Пока же, даже если светило солнце, тьма казалась не проходящей. Она господствовала над душами и умами людей. А если среди темной ночи стало казаться им, что солнце яркое взошло, то знали они, что татары снова нагрянули и в зареве пожара утопает то, что отстроено было с таким трудом их руками. И снова по воле чужой должно было все в прах обернуться.

И стонала земля русская, как никогда прежде она не стонала. И только в самых раскрепленных сказках рассказывали старики, как вольно и прекрасно было жить когда-то, как героически сражались славные предки их, какие победы они над врагами своими одерживали.

Только в сказках и были все они, а в реальности стонала земля русская. И тогда призывали пробудиться и вернуться к ним главного и любимого героя Илью Муромца. Верили люди русские, что заснул он крепким богатырским сном, но рано или поздно обязательно пробудиться должен, и встать вместе с иными на защиту земли русской.

– Некому, кроме Ильюшеньки нашего за нас заступиться, некому сокрушить татар проклятых, размахивая дубиной своей и булавой верной, некому отвадить их разбойничать на землях русских.

– Муромец мертв, – подал свой противный голос бес, – если бы ты увидел, какой прах от него остался, – обратился он к старому белоголовому волхву, то понял бы, что не подняться ему, не стоит особенно на это надеяться.

– Поднимется, не может не подняться, – противился тот, – разве напрасно мы столько веков хранили заповедные леса и память о них. Они должны простить нас и помочь от рабства избавиться.

Он радовался появлению беса, но меньше всего хотелось ему речи его крамольные слышать. Но и прогонять его не хотелось, потому что знал он, что этот тип держит связь с тем запо-

ведным миром, в который самим им не добраться. А другие в храм Христов ходили и молились упорно, но там никаких голосов и знаков пока не бывало.

Так и убедились они еще раз, что чужим богам, в угоду князю приведенным на земли эти, не было до них никакого дела – напрасный это труд и жертвы напрасные. Но солнце по-прежнему светило, гром гремел, и это заставляло их верить в то, что боги их не до конца от них еще отказались. Может, простили они те глупости, которые допускали снова неразумные эти существа. Старик с детства своего знал то место, где истукан их схоронен, был от глаз посторонних. Он видел в самом начале, как тайком на закате пробирались к нему люди и творили свои действия, как помнили они о том, потому что нельзя из душ людских по княжескому приказу вытравить то, что навечно там заложено было.

Давно и прочно поднялась и утвердилась Москва. И хотя и там не все ладно да складно было, но князья ее действовали пусть и коварно, но умело. Многие земли сначала князь Иван, прозванный Калитой, а потом и Симеон, носивший имя Гордый, подчинить себе смогли. За грехи покарала их, правда, боги. Чума на мир этот пришла, и погиб князь Симеон. Проходила зауспокойная служба в тот день по умершим, и жертвы были принесены древним богам. И стали судить да рядить в Москве, кто же теперь их князем станет. Чужие готовы были захватить стол московский. И Тверь, и Рязань, всегда Москве враждебные, особенно близко были. Но Митрополит Московский Алексей, едва только службу по умершему князю отслужил, тут же все в свои крепкие руки и взял. Он торжественно объявил последнюю волю повелителя своего. Князем станет сын младшего брата Ивана – Дмитрий. По праву так оно и должно было быть, но всем понятно было, что могущественный митрополит, и при взрослом князе всем заправлявший, на десяток лет теперь власть в его руки перейдет. Но сумеет ли митрополит воспитать нового Олега Вещего?

Но против воли Симеона и служителя небес никто из самых отчаянных выступать не стал. Все восприняли это как облегчение в решении, казалось бы, не решимого вопроса.

И Тверской князь Михаил, и Олег Рязанский молчали, и никому не было известно, о чем они могли думать в те минуты.

– Попал ли Симеон в рай или в аду останется, – спрашивал бес и смотрел пристально на митрополита. Но тот не о прошлом, а о грядущем напряженно думал. Кажется, один только бес и помнил еще об усопшем князе русском, людская же память на удивление коротка оказалась. И даже сороковой день кажется сороковым годом уже им. Еще вчера многие были уверены в том, что прочен как скала, был Симеон, и ничто не могло его с места сдвинуть, кроме смерти самой, вот она за великим князем на рассвете, и пожаловала во всей зловещей своей красе.

Сколько шуму этот князь наделал, а ушел внезапно. Сколько жен было у него, а наследника своего так и не оставил. Вот и пришлось боярам его на сыновей младшего брата Ивана свои взоры обращать. Как странно и непредсказуемо складываются судьбы властелинов.

Хотя. Бес-то знал, что все шло так, как надо, именно этому отроку, хотя и незаслуженно придется стать последним из славных князей русских, которые род свой от Славена и Руса с Кием вели и через Гостомысла с Рюриком до Дмитрия и дошли.

Имя нового князя даже для беса непривычным больно было. И еще отчужденнее звучало. Но ко всему привыкнуть можно, и пусть его по людским меркам не таким коротким оказаться должен, а для этого им всем, князю, митрополиту, и ему, бесу, придется еще потрудиться, повоевать и поразвлекаться, потому что как не крути, но это была последняя вспышка молнии.

Бесноватого безумца и выроodka Ивана он в расчет не брал – это уже полный финал княжеского рода будет. Но там все было заранее известно и совсем не интересно, хотя все безобразия, которые сей князь творить начнет, ему именно и припишут, и будет бес, как и обычно, безвинно страдать, да разве ему привыкать к такому?

Но не сравнивайте Ивана Грозного с бесом, не обижайте беса, потому что не заслужил он такого, точно не заслужил.

Только человек мог таким уродиться. А бес, хотя и любил разные пакости, но не были они такими мерзкими и погаными, ничтожными такими – во всем он ведал и меру, и размах.

Он никогда бы так однотипно и убого действовать не стал.

Но это история будущая, пока о том не стоило даже думать и говорить. Еще белый пергамент был там, где начертают слова светлые о князе Дмитрие и о битве Куликовской. И он к тому непременно должен свое копыто приложить.

Это последний след, не самый безупречный, во всей истории русичей был.

Часть 1 Юность князя Дмитрия

Глава 1 Затишье

меняется в мире в день смерти Властелина. Кажется, что так же светит солнце, подопечные его все еще не видят и не знают каких-то перемен, не верят в то, что его больше нет, не выйдет он к ним то злой, то радостный и счастливый. **Все навсегда**

Но как только каждый из них подходит к смертному одру, и с удивлением взирают на неподвижное, странно изменившееся тело – становится ясно, что все для них для всех закончилось, а то, что будет в следующий день, будет по-другому. Хотя в первые дни мало что менялось, но к старому возврата тоже больше не было. Предчувствия и тревоги витают в воздухе. И в словах не слишком понятной заупокойной, и в плаче искусных плакальщиц, хорошо освоивших странное дело свое, и в хоромах княжеских бродит совсем иной, таинственный звук и шорох. И все слуги верные чаще оглядываются и при этом говорят часто шепотом, а то и вовсе молчал напряженно, понимая, что можно перепугать добрый дух и легко привлечь дух злой. И для острастки нужно помолчать немного перед таинством смерти. Она приходит в этот мир не так часто. А потом каждый ее приход – это нечто особенное, необъяснимое. И с этим надо как-то примириться, и узнать все как можно лучше.

Юный князь Дмитрий, на которого невольно были обращены все взоры в тот день, казался старше своих лет и серьезнее. А бояре дивились тому, что почти не замечали его прежде, так мал и незначителен он им казался до этих пор.

И вдруг в одночасье, когда не стало Симеона, все они переменились к нему, заметили, поняли, как много от этого мальчика будет зависеть.

И родственница его Любава, с такой нескрываемой радостью на него взидала. Ведь она уже привыкла считать его своим женихом. И теперь, когда его объявили князем Московским, все взоры к нему обращены были. Она и сама казалась себе значительнее, и представляла себя в дорогих одеяниях и украшениях рядом с князем, и решила, что так будет до смертного часа.

Она знала, что погибнет или умрет он раньше. Но ненадолго она его переживет, потому что без него нет ей в этом мире жизни и покоя. Девочка казалась упрямой и самоуверенной. Она точно знала, чего от жизни этой получить она хочет, хотя многие тайны и законы были укрыты от ее взора, но она быстро набиралась ума и все понимала и принимала с ходу. Жаль, что в тот памятный день он не обращал на нее никакого внимания. Эта обида кольнула ее душу и надолго запомнилась. Но она знала, что справится с этим, как и со всеми другими трудностями.

Дмитрий стоит того, чтобы переживать спокойно такие обиды из-за него.

№№№№№№

Бес готов был расхохотаться, когда проник в помыслы ее. Как она глупа и наивна, как взлететь высоко собирается. И ничего у нее из этого не выйдет. Но он не собирался ее разубеждать, зная, как упрямы бывают девицы в таком возрасте. Но тем сладостнее для нее окажется наказание. И кое для чего она все-таки сгодится. Пусть пока порезвится, потом видно будет, кто с кем и почему оставаться должен.

Бес знал, что это знаменитый день. Много лет назад в такой же день был замучен в орде князь Михаил Тверской – самый лучший, самый сильный из богатырей того времени. Он вел свой род от Рюрика, и могли о нем такие же былины, как об Илье и Добрыне распевать. Не мог он татарве поганой подчиниться ни за что, даже если бы и захотел. Только гордость его оказалась сильнее чувства самосохранения. И так велик, так хорош он был, даже в смертный свой час. Но героическая смерть его ничего не дала этому миру, кроме сожаления, мало, что оста-

вალაсть в душах людских. Хотя она была необходима, чтобы не пали плененные татарвой русичи окончательно, не забыли о том, каковы они были и какими стать могут, если слепо не станут подчиняться стервятникам.

Бес выкрал тело его, похоронил и отправился в Тверь на могилу последнего князя – истинного героя.

Они не появлялись почти на могиле Михаила, совсем затравлены были, и страшно боялись пробуждения силы и ненависти в затравленных русских душах, а убиенный князь им и мертвый казался опасным.

Бес заботился о могиле героя, она всегда была в порядке. А они верили, что это ангелы над ним пеклись. Ему смешно было слушать рассуждения о тех, кто к этому отношения не имел. Он привык не только на тупость и недалёковидность людей не обижаться, но радовался тому, что видел и слышал тут. Это еще один пинок под зад святошам. И без его проделок тут никак не обойтись.

Когда убивали Михаила, ангелы, как и люди, были далеки, им не было до происходящего дела, и только он никак отмахнуться от этого не мог.

И на могиле князя-богатыря, и на Волхва и на Олега похожего, размышлял бес о том, что не во время он появился в их мире. Вот если бы теперь, когда Симеон, приготовив все, для того, чтобы поднялась сила против татар. Или в Святославовы времена, если бы вместо Владимира он появился, тогда другое дело. О нем бы до сих пор былины распевали, и могилу его почитали бы. Но он мог точно сказать, что времена всегда были отвратительными.

– Дмитрий подрос, – говорил бес уже не на могиле князя, а на небесах, по старинному названных Сваргом, когда он отыскал там душу князя Михаила.

– Настал час отмищения за все горести и боли. Вы должны все вместе с ним подняться и в сражение пусть живые вместе с мертвыми идут.

Михаил слушал. Речь беса звучала странно торжественно. Он за это время изучил и прекрасно научился понимать его. Он понимал, чем торжественнее тот говорит о великом, тем яснее, что происходит там будет что-то иное. И мудрый князь пытался угадать, что скрывалось за бесовыми словами.

Говорил он о Дмитрие. Это новый московский князь – внук его вечного врага Ивана Калиты, настоящего его убийцы, будь он проклят. И почему он должен за него мстить? Потому что все его внуки теперь там же, не разберешь, где свои, а где чужие таятся.

– Тебе придется смириться и с тем, что он подчинит сначала твою Тверь распрекрасную, потому что не может быть по-другому. Все еще помнят о битве на Калке, когда все пошли каждый за себя, и не договорились о том, кто над всеми встанет. И получился татарский пир на костях ваших.

Дмитрию только и остается учиться на ошибках ваших, и надо простить и объединиться. Он понимал, что говорит как один из монахов, но иногда и вечные его противники говорят правду, это надо признать.

– Легко говорить тому, кто всем сват и брат, для него нет ни врагов, ни друзей – все едины, а каково ему признать предателя и Москву захудалую столицей. С самого начала был он на крови основан, когда вероломный Юрий убил купца-основателя его и сам стал там княжить. А что потом на проклятой земле творилось, и вспомнить противно. Как мог на том самом навозе какой-то богатырь вырасти, разве может быть он не ушибен?

И почему у них все всегда из дерьма должно было расти? Горькое сознавать было такое.

– У тебя еще будет время для раздумий, – на прощание говорил ему бес.

Время и на самом деле будет. Только что тут думать, с Дмитрием или с чертом рога-тым надо подниматься против татарвы. Мальчишка пока ничего дурного не сделал. А если вспомнить его собственного сына, то можно подумать, что его отцом был сам Иван Калита. Но и об этом лучше не думать совсем. Не в прошлом надо копаться, а в грядущее заглянуть.

Глава 2 На земле Московской

Еще не отзвучали молебны после похорон одного из самых ярких, странных противоречивых князей московских Симеона, прозванного Гордым, но жизнь уже текла своим чередом. И все, еще живые убеждались в очередной раз, что ей не будет конца и края.

– Татары будут побиты, говорил над могилой крестный юного князя Дмитрия митрополит Алексей.

Но пока он понимал, что слишком велика смута в сердцах людей, только что похоронивших своего князя, и с недоверием всматривающихся в лицо юнца.

Он хотел верить в то, что именно этот мальчик поможет их миру восстать из праха, подобно сказочной птице и обрести новую жизнь. И снова появится удивительный мир, называемый Русью.

Его не было даже при прадедах их, оставались только удельные княжества. Но со временем все должно перемениться. И та страна единая, о которой пели в былинах и протяжных песнях, снова возникнет и в реальности, как во времена Гостомысла или внука его Рюрика, из-за моря по зову деда вернувшегося назад. А потом все распалось, потонуло в крови, когда неразумные внуки и правнуки хотели потопить в крови этот чудесный мир.

Всегда были города и княжества, но никогда единства не было. И от Киева только легенды остались, а от Галича и следа в мире этом не было больше. А что было? Сильный и могущественный Чернигов – приют для всех обиженных и несчастных князей, вечно враждующая горячка-Тверь, которая никогда не простит москвича своего унижения, всегда битая, униженная, но каким-то чудом восстающая из руин Рязань.

К Москве был ближе Владимир, но разве можно рассчитывать на это гнездовье младших князей, готовых в сражение за власть ринуться? А сама Москва, словно гриб после дождя сначала созданная Юрием, а потом внуком его Иваном Калитой отстроенная заново.

Во всех пророчествах она была обращена в будущее. И то ли пророчества эти сами исполнялись, то ли люди все делали для того, чтобы так было и в реальности. И вот нынче, мальчик, которому впору еще со сверстниками своими играть, он должен принять власть и думать о том, как избавиться от татарвы проклятой, объединить эти земли и двинуться дальше.

Симеон ушел рано. Если бы лет пять продержался, тогда Дмитрию четырнадцать бы исполнилось. Но он ждать не стал. Остался митрополит, которому не своим делом заниматься придется, но он понимает, что нет у него другого выхода. Он хотел уничтожить рабство. Хотя многое переменилось за эти столетия, ханы крестились, желая слиться с русичами, но его не обманешь. Он боролся и дальше будет с ними бороться.

NoNoNoNoNo

Бес тем временем пробрался к татарскому стану. Надо было посмотреть, что и как там происходит. Новый хан так и не дождался к себе Симеона. Он наслышан был о гордости и непреклонности его, и был уверен, что тот и помер только для того, чтобы не склонить головы своей перед истинным властелином. Но кто же теперь к нему пожалует. Священник?

Хан был молод, и он боялся служителей любой чужой веры. А этот стар, много пережил, может коварством и хитростью все затмить. Он не собирался принимать христианства, твердо веря, что его предшественники ничего путного не сделали только потому, что взоры свои к чужим богам обратили.

– Дмитрий, – произнес он незнакомое имя, коверкая чужой язык, – говорят, он совсем ребенок, да еще и не сын Симеона, а только племянник его. Старик и мальчишка – хорошая компания ему досталась, никак не решить, какое зло меньше, что будет для него не так позорно: мальчишка или старик.

«Он осторожен, – размышлял бес, – но может и сам себя перехитрить»

Чтобы не терять времени даром, он внушил хану, что стоит подождать и пока не вмешиваться в то, что происходит там, и где сам черт ногу сломит. Пусть они сами разберутся, а когда станет ясно, он и появится.

Возвращаясь из орды, бес прошелся по тем местам, где сначала был замучен Михаил Черниговский, потом Михаил Тверской и сын его. Какими они были богатырями, пришедшими в мир не в то время, когда следовало.

Но просто так пропали. Но память осталась. И можно с уверенностью сказать, что ханские времена уже прошли, тех бесчинств не повторится больше никогда.

И оглядывая путь, который прошли за пару столетий русичи, поработанные татарами, он понял, каким долгим и невыносимым он был. Но оставалось только вырваться из этого бесконечного болота. И это они должны сделать сами. И он готов был помочь им выбраться, если они сами будут прилагать для этого усилия.

В тот момент около ханского стана появилась худая и изможденная Кикимора. Даже самые неунывающие и веселые духи к тому времени стали уже бессильными и вымороченными. В такой обстановочке весь свой задор они растеряли, от прыти их почти ничего не осталось.

– Не пойму, ты о грядущем герое или о прошлом печешься? – неожиданно спросила его она.

Бес знал, что если она задает вопросы, то это еще не значит, что ей неизвестны ответы. И он промолчал, делая вид, что туговат на ухо.

– Ты оглох никак от всех бед на нас свалившихся, небось? – не унималась она

– Да и у тебя видок не первой свежести, – наконец подал голос ее собеседник – И ты ждешь, не дожدهшься, пока мы вместе с князем действовать начнем. Ведь даже Кикиморы ведьмами противными становятся от жизни такой, а старые князья – богатыри, помогут нам дух боевой поднять. Тебе это не хуже моего известно.

– Известно, только если они всегда враждовали, теперь от них чего ждать можно?

– Есть в жизни большие и важные дела, из-за которых необходимо старые обиды забыть и объединиться, нынче даже русичи понимают это.

– Скорее солнце среди ночи выглянет вместо луны, чем наши князья примирятся и вместе действовать начнут, и живые и мертвые, одинаковыми они остаются. – она безнадежно махнула рукой.

Но бесу показалось, что она над ним просто смеется или издевается.

Он надеялся на то, что, на этот раз все будет по-другому, а надежда даже у черта умирает последней.

Глава 3 Бескрайние просторы

только что утвердившийся в орде, ждал юного Дмитрия к себе. Это было для него необходимо. Они должны были познакомиться и договориться, потому что оба только начинали свой путь, получили власть и, судя по всему, дальше им придется идти вместе. **Новый хан,**

Но скоро убедился Мамай, что у парня и мысли такой не было. Если уже дядя его князь Симеон, прозванный Гордым не собирался к нему пожаловать, давно забыв дорогу, то этот и вовсе не знал о главном.

– Они подождут, – говорил о татарах Дмитрий митрополиту Алексию, – а начнут возмущаться, тогда и будем о том думать.

В крайнем случае, они решили отправить Мамаю дары с монахами, к коим ханы всегда настроены были враждебно, но ничего сделать не смогут, потому что давно прошли времена, когда русские князья по первому зову туда бежали и покорно умирали и ханской воле. Они смогли подняться с колен и расправить плечи. Поставить их снова пред собой получалось все труднее.

И все-таки Дмитрий поморщился, когда говорили об этом. Он вспомнил, что вместо Симеона в орде всегда оставался мудрейший из священников. Он все улаживал, и при малейшем неудовольствии старого хана предпринимал что-то, так что о князе на время забывали.

Но старик вернулся назад, а он не смог пока найти никого достойного, чтобы все так же продолжалось. Не было больших охотников среди татар оставаться. А те, кто готовы были туда следовать, явно не годились для такого дела. Но они и сами ничего не знали о новом хане, каков он, кто сможет с ним договориться и ладить

– Когда же наступят такие времена, что не нужно будет ни о чем договариваться с ханами, а они сами станут на поклон к ним ездить и настроение русских князей угадывать, и своими подарками ублажать?

И так размечтался о благословенных временах юный князь, что даже задремал Дмитрий, и перенесся совсем в другой мир.

NoNoNoNoNoNo

Мамай, ставший ханом почти случайно, жаждал полной власти и подчинения всех, кого когда-то им удалось завоевать. И он ярился, понимая, что те времена давно прошли. И нельзя идти на Русь, как Батый в свое время хаживал, совсем другой стала за это столетие Русь, да и татары его совсем другие. От воинства Чингисхана мало что осталось, каждому хотелось только власти, и ради этого заветного подарка на многое готовы были те, кто пока молча взирал на него и таил в душе непонятно какую крамолу против своего хана. И если бы в это время была какая-то угроза, то еще непонятно кто с кем и против кого бы выступать стал. Много скверного они у рабов своих русичей переняли. Но Дмитрий слишком юн, чтобы думать о каком-то противлении ему. И пока он собирается с силами, и сам хан должен подумать о том, что ему противопоставить можно.

Мамай и без того уже много сделать успел, и сколько еще предпримет, для того, чтобы вторым Чингисханом стать. И еще об одном подумал в тот момент хан Мамай – его предшественники не обращали внимания на духов и богов на земле русской. Но он решил узнать о них побольше, и если они существуют, то привлечь их на свою сторону, иначе кто так упорно сжигает дома и все ценности, за которыми они туда отправляются, кто путает следы в лесах и загоняет их в болота непроходимые на верную погибель. Он не раз убеждался, что не люди, а кто-то иной мешает татарам, и помогаем русичам. Он сам видел однажды, как тело убитого русича, а в том, что он был мертв трудно усомниться, переносилось по воздуху и куда-то исчезло прямо у него на глазах. Он потом никому о том не рассказывал, зачем смуту в душах у своих воинов селить, но это так было, а хан привык верить своим глазам. И на этот раз он чуял, что

за ним кто-то внимательно наблюдает. Эта сила исчезала так же неожиданно, как и появлялась, а в самый решительный момент все начиналось сначала.

№№№№№№№№

А между тем до князя стали доходить вести о набегах на окраины русских земель. Это его злило и тревожило, но мчаться туда, про все остальное, забыв, он тоже не мог, ведь именно этого татары от него и забываются. Но сожалел Дмитрий, что на произвол судьбы приходится оставлять владения. И знал юноша, что ради сыновей и внуков своих должен он сам подняться и весь мир поднять против ненавистного хана. В ту ночь снился ему могучий и гордый Михаил Тверской, рассказы о страшной гибели в орде этого князя еще не смолкали пока.

– Я не стану мучеником, – убеждал себя князь Дмитрий, – это красивая, но бесполезная смерть, если Мамай и убьет меня, то на поле сражения, а не в своем стане, словно барана в жертву принося. Не бывать этому.

И тогда стал в сны его приходить дядя его – князь Симеон, недавно внезапно покинувший мир. О многом спросить у него хотелось князю, но он молчал пока. Но рядом стоял его отец и тихо смотрел на сына своего, не скрывая тревоги. Какими же разными они были. Но он, что он такое, многое ли сможет сделать он в том времени, которое ему досталось?

Отец снова и снова повторял, что не хотел он для сына такой доли. Все по-другому сложиться должно было для Дмитрия.

– Но от судьбы не уйдешь, – слышал он голос князя Ивана, который всю жизнь оставался только удельным князем, в то время как сын его с малых лет стал великим, что его и тревожило страшно.

Но Дмитрию и не хотелось уходить от своей судьбы, хотя многих качеств дядюшки ему не хватало, и он прекрасно знал это. Но когда он рассказал няньке своей о том, что к нему покойники приходят, она стала простить его о том, чтобы он не разговаривал с покойниками. И он обещал ей это. Он отправлялся в храм, чтобы поставить свечи за упокой, и понимал, что это его время и его жизнь, и не на кого он оглядываться не может и не должен.

Глава 4 Славянский мир

Князья в Сварге пробудились от забвения своего, которое когда-то подарил им бес, чтобы посмотреть на то, что там твориться будет.

Многие из них уже отрешились давно от дел земных, но как герои и богатыри должны они были помогать потомкам своим в трудную решающую минуты. И казалось, что именно такое время и наступало.

Много беды и горя произошло на русских землях с того дня, когда князь Игорь оказался в половецком плену. Они восприняли это тогда, как настоящую трагедию, но теперь знали, что была она только детской забавой в сравнении с тем, что потом со всеми с ними приключилось. Они не видели, но знали, что столетия подряд били их потомков татары, заставляли ползать перед ними на коленях и с ужасом ждать завтрашнего дня.

Бес старался им все это преподнести более мягко, он не переносил трагедий, понимая, что никакой пользы ни живым, ни мертвым они не принесут, только дух их будет подавлен, и потом очень трудно станет подняться и расправить плечи. Но когда он им показывал что-то, то от ужаса и горя они готовы были умереть во второй раз, если бы такое реально было. Но в последние годы бес появлялся у них в Сварге редко, новостей почти никаких не приносил. Казалось, что и на земле все умерли, или погрузились в вековой богатырский сон и ничего там не происходит и происходить не может. Они догадывались, что было это затишье перед бурей – всегда так у них бывало.

NoNoNoNoNo

Странный это был мир и времена странные. Они все помнили, как в крамольном «Слове», о котором столько говорили, но никто его не видел, князь Игорь призывал их объединиться, всем вместе против врагов своих выступать. Они не послушались, тогда Чингисхан к порубежью подошел, а потом и внук его Батый по землям русским, как по своим собственным прошелся. И разрушил он половину миру славянского, а вторую половину подчинил, тогда казалось, что навсегда.

И все равно, каждый из князей старался упорно свой удел центром мира сделать. А для этого надо было бороться с братьями своим, Объединяться никто не собирался по-прежнему, даже беда и рабство ничему не научили князей русских.

Так больно было бесу сознавать, что напрасно все было. Он сроднился с ними и считал их своими за долгие столетия, еще со времен Волхва, а потом и Рюрика с Олегом. Но какими же упрямыми были эти славяне. Ничего им не помогало, ничему они учиться не хотели, их легче было убить, чем заставить жить по-другому.

А, оказавшись в Сварге, там, где больше не было их уделов, и жизни не было, а знаменитые и безвестные становились равными, они постепенно начинали прозревать, да слишком поздно.

Бес видел, как ждали они нового князя, того, кто не на небесах, а еще в уделе своем на земле прозреет, и будет делать то, от чего они упорно отказывались. И каждый раз, когда умирал властелин, им казалось, что на этот раз все будет по-другому. Но ничего такого не случилось. И они каждый раз оказывались обманутыми.

NoNoNoNoNo

Темник в мгновение ока ставший ханом Мамай был более чем доволен сам собой и всем происходящим. Но он прекрасно понимал, что труднее удержаться. Ему нужны были победы и подвиги, которые заставят трепетать и говорить о нем весь мир. И он отдавал приказания о набегах. Сначала он хотел уравниваться славой, а потом и превзойти своих предшественников. Он боялся, что столкнуться надо будет с могучим Симионом, который в грош его не ставил.

И даже братья-враги называли его Гордым, и многие ему подчинились. Но и на этот раз удача ему не изменила. Симеон успел неожиданно отправиться к своим предкам.

Мамай утвердился после этого и жег нещадно пока окраинные земли, наводя ужас на всех, с кем ему приходилось сталкиваться. Рука юного князя не могла до него дотянуться, он делал все так, как и следовало. Но он думал о том дне, когда двинется дальше по всем русским землям, дойдет сначала до Киева, а потом и до новой их столицы – Москвы, где они все и оставались в то время.

Он уже успел внушить страх, был невероятно жесток, никакие дары и мольбы поверженных не могли остановить его, и жестокость его вдохновляла. А удельные князья не могли понять его до конца, и казался он им не человеком, а Демоном, проносившимся по их землям, как черная туча.

Мамай все знал о своих предшественниках. Он верил в то, что души могут возвращаться на землю и вселяться в новые тела. Это ему особенно запомнилось и понравилось, и он свято верил, что в его теле душа Батыева и жила на этот раз, на меньшее новый хан никак не мог согласиться. И вместе они и станут вершить великие дела.

За годы юности он привык к осторожности, ничего не ел и не пил прежде, чем не попробуют его слуги, сократил гарем из наложниц, потому что вползавшие прямо в душу, они могли смертельно ранить.

Предательство всегда губило многих, и самых могущественных мужей в первую очередь. Особенно остерегался он тех жен, которые в плен были захвачены. И напрасно глупцы думают, что жены полностью им принадлежат, до поры до времени они могут приотворяться, чтобы потом нанести смертельный удар властелину. У них могут быть другие мужчины, всегда стоящие за их спиной, и они всадят нож в спину.

Он не сближался с женщинами, не помнил их имена и вызывал наложницу в последний момент, ни одна из них не могла знать, с кем на этот раз будет спать великий хан.

Чаще всего он отсылал избранницу посреди ночи, и оставался один, только в этом случае он мог быть более или менее спокоен. Он ни о чем с ними не говорил, кроме каких-то глупостей. Ни одна из них без его позволения не открывала рта, не произносила ни звука.

Он не представлял себе, насколько отличается в общении с женщинами от Батыя, влюблявшегося пламенно, влюблявшего в себя и половину ночи готового вести самые разнообразные беседы. Батый говорил с женами своими на их языках, и умел узнавать и угадывать их желания и тревоги, словно заглядывая пристально прямо в души их. Но не мог такой роскоши позволить себе хан Мамай, оттого он так страдал от полного одиночества. Он не верил ни похвалам, ни улыбкам их – они обязаны были улыбаться при виде его, даже если рыдали минуту назад, и горе той, которая нарушит заведенные им правила.

– То, что он не падок на женщин и так сух со всеми, – это плохо, – размышлял бес, изучая хана.

Тому не зря казалось, что за ним все время кто-то следит – это был Мефи собственной персоной. Он понимал, что придумывать надо какие-то иные хитрости, а девицу самую искусную ему не подсунешь.

Он прекрасно помнил, как татары были охочи до полонянок, как носился со своей возлюбленной Батый, которого он запомнил лучше всех остальных и даже уважал по-своему. Сей молодец все сжигал на пути своем, чтобы до нее добраться.

С Мамаем придется еще повозиться, но время в запасе есть. Надо показать ему насколько женщины бывают полезны для дела, чтобы против врагов его действовать – с ума свести, яду подсыпать или союз заключить со всем миром, если у тебя дочери есть. Но, побыв во владениях новоиспеченного хана, бес решил, что необходимо отправляться к другому герою, хотя человек этот нравился бесу еще меньше, чем Мамай, и места там были жутковатые даже для него самого, но чем не пожертвуешь ради грядущего. А подслушать и подсмотреть, что делают

враги его лютые, было даже очень интересно и полезно. Путь даже для него оказался не близок, но проделал он его спокойно и даже весело.

Глава 5 В келье Сергия

Пробираясь по темному нехоженому лесу, бес спотыкался и чертыхался на чем свет стоит. Он помнил те золотые времена, когда появился в этом мире Волхв и стал первым чародеем на земле, а потом развелось волхвов, как собак нерезаных. Некоторые из них и на самом деле чего-то стоили, но многие были просто обманщиками и проходимцами.

В таких вот лесах поселялись они для пущей важности, для того, чтобы укрыть от мира темные мысли и делишки свои.

Люди должны были сами туда отправляться, не каждый решался, не все доходили до них, в ужасе повернув назад, и звери лесные уходили в другие места – мало кому такое соседство могло понравиться. И в одиночестве, среди Леших и кикимор, они и коротали дни свои. Но постепенно волхвы извелись, когда перепуганный насмерть за грехи свои тяжкие страдавший князь Владимир новую веру в этом мир приволок. И странным было то, что малец, который считал себя избранником нового бога и его верным слугой, удалился от людей, решив повторить путь древних чародеев. Он отказался от сытой монастырской еды, от одежды свежей и теплой, и решил все своими руками делать.

Он ждал пока Сергию надоест это, и он уйдет назад, да не случилось такого. И проповедовавший свет и любовь, с самого начала оказался он в темноте жуткой и одиночестве печальном. Симеон не особенно любил монахов и хотел этот парень он митрополита и князя подальше быть.

Сергий искреннее верил в то, что вера могла вывести их глуши такой в светлый и прекрасный мир, только где он был этот мир, если на каждом шагу оказывались татары окаянные. И был уверен бес в том, что на его жизнь еще хана Мамаю хватит. Но Гордый князь уже в Сварге обитает, а в мир пришел Дмитрий, на которого Сергей сможет влиять. На этот раз бес затеял многослойную и необычную игру.

Дмитрий к вере ближе, чем к безверию стоял, Сергей тверд в своих убеждениях, и он будет прятаться, для разнообразия за спинами этих двоих. И еще митрополиту он отомстить хотел, потому что не у него толстого и важного, а у неведомого монаха будет совета и благословения просить русский князь. Многие удивятся такому повороту. Но пути и судьбы земные и небесные неисповедимы.

NoNoNoNoNoNoNo

Мальчик был не от мира сего. Это отмечали все. Никакие ремесла ему не давались, ни к чему из мирских дел душа его не лежала. Родители сначала приучали его к каким-то ремеслам, но понимали, что пользы от этого нет никакой, и махнули на все рукой. Никто больше не заставлял его что-то делать. Он гулял со стадом коров, иногда помогал пастуху, чтобы совсем не сидеть без дела. Но часто отвлекался, рассуждал и размышлял о том, как устроен этот мир. Так в один из дней явился к нему какой-то призрак и нарисовал его грядущий путь. И внимательно слушал отрок то, что сказано ему в то время было при этом чудном явлении.

Сам бес в тот момент оставил его в покое, ничего не видел и не знал, у него были в иных местах дела и поважнее, вот и остался отрок Варфоломей без всякого присмотра.

Знал бес только, что было в книге судьбы его написано, что уйдет парень из мира сего, и станет святым и отшельником. Но почему бы и нет. Так много заживевших тупых служителей у этого бога, пусть хоть один другой пример покажет, может ему больше доверия будет.

NoNoNoNoNoNo

Он успел припомнить всю предысторию героя, прежде чем туда попал и в середине леса нашел избушку на курьих ногах, в которой в старые и добрые времена ведьмы селились. На этот раз было там несколько изможденных людей, они ели сухой и старый хлеб и запивали его холодной водой из соседнего ручья. Бес поморщился и отвернулся. Но людей и убогость обстановки

и пищи не смущала даже. Они тихо о чем-то переговаривались. Когда трапезу завершили, отправились на другую сторону леса и стали строить из бревен что-то странное, на часовню похожее.

Все эти работы были ему глубоко противны, потому что бесу туда дороги не было. И не то, чтобы ему очень хотелось там побывать, но возмутителен был запрет. Вот и на этот раз. Они трудились очень дружно, и если так пойдет дело, то храм они себе построят быстро. Бес не сразу разглядел среди них Сергия. Он трудился больше других, и дело это казалось для него самым важным.

Каким худым было лицо его, глаза фанатика и мудрость не по годам в нем проступала, потому что он постиг какую-то совсем иную истину. Это казалось таким странным сочетанием. Но бес знал, что к нему, а не к Алексею за благословением пойдет в самый решительный момент князь Дмитрий, и этот человек решит исход многолетнего противостояния с татарами и рабства. Если бы кто-то сказал ему о том, как много будет зависеть от человека, подобного Сергию, то он не поверил бы, но это теперь он знал наверняка и сам.

В тот момент почудилось бесу, что он что-то видел и что-то понимать начал только. Этот человек решил повторить подвиг их Христа, он мнил себя сыном бога на земле, и готов пройти его путь до конца, иначе как объяснит все лишения и затворничество его? Он упорно несет свой крест, который сгибает его спину до самой земли. И он решил все грехи княжеское замолить – какое противное словечко они придумали.

Этот человек пока был еще молод, хотя он всегда его видел и вспоминал стариком. И не потому, что был очень худ и одежды мешком на нем висели, а потому что уже забыл, а скорее всего, никогда не знал, что такое вино и женщины, и никакие земные утехи не играют для него никакой роли. Он родился стариком, и в мире людей с самого начала ему нечего было делать.

И это две крайности – властолюбец и женолюбец князь, которому все дозволено и ничего человеческого не чуждо – митрополит Алексей, как две капли воды похож на князя Симеона, и тот, кто спокойно отказался от всего в этом мире, и ни о чем не жалеет – отец Сергий. И эти двое, как – то исключавшие друг друга станут учителями князя Дмитрия. И ни тому, ни другому совсем не верил бес, а если бы ему пришлось выбирать из этих двоих, то он немало поломал бы себе голову, и все-таки склонился бы к митрополиту, потому что тот хоть на что-то похож, с ним хоть как-то управляться можно. Но князь Дмитрий придет к этому человек, одним ему ведомым путем. И это немного сердило и пугало его в те минуты.

NoNoNoNoNo

Сергий почувствовал появление беса, но не гнал его от себя. Даже против него он не был настроен, и не собирался показывать свое нетерпение, но ему было интересно, для чего этот тип пожаловал в их глушь. Что готовится в том мире, если он, что-то почуяв, появился тут. Он никогда не понимал мира – это правда, потому без сожаления из него удалился. Он и теперь не стал понимать его больше. Но это не значило, что он им вовсе не интересовался. Так хотелось узнать, как там все происходит, что такое могло случиться.

Сергий знал, что, несмотря на многие лишения, которые его почти вовсе не волновали, он обрел для себя самого большое и ценное – свободу. И эта свобода была ему по душе. Никакой татарин не сможет до него добраться, никакой князь не потребует его к себе. А если ему что-то понадобится может, то он сам к нему явится. И в том, что кроме бога никто из священников над ним не властен был, это такой благодатью для него казалось.

Он в другом мире жил и по-другому на него взирал, понимать стал больше и ярче, чем все они вместе взятые.

Вот и бес недаром так далеко шел и голову недаром ломал, этого типа так просто не обморишь и не проведешь. А он тут как тут.

Отец Сергей знал, что в Москве новый князь. И это ему важно показалось, хотя он не особенно задумывался над этим, зная, что всему придет свое время. Но пока он просто молился о Руси единой, о молодом Московском князе, о свободе для них для всех, и самой главной в мире была эта его молитва.

Глава 6 Великий князь

Митрополит Алексей смотрел на мальчика. Рано говорить с ним об этом, и все-таки повинуюсь какому-то яростному порыву, он сказал:

– Ты должен добиться ярлыка на Владимир.

Оба они хорошо понимали, что это значит, для этого следовало отправиться в орду. Легко сказать, но как все это осуществить, размышлял митрополит. Мамай суров и честолюбив. Он очень хочет утвердиться. Все должно было получиться у него на этот раз. И если ханы убивали просто так, за то, что им показалось что-то или не понравилось, невольно в памяти один за другим всплывали имена тверских князей, то на этот раз, когда все завязано в один суровый узел, разве станут церемониться.

Сам митрополит не боялся ехать в орду. К священникам татары относились церемоннее и осторожнее, хотя и для него была опасность. Он боялся своих. Если кто-то из противников Дмитрия узнает, что он покинул вместе с митрополитом свою Москву, то пойдут со всех сторон на них, и тогда они вернутся в разоренный город, а то и ворота будут заперты.

То, что боги и потомки могут простить юнцу, ему умудренному опытом, они никогда не простят. Но и одного его туда отправлять было нельзя. Спутников, самых храбрых и надежных они должны были выбрать для него сами. Это должны быть не просто мудрые помощники, но те, кто предан ему душой и телом. Как жаль, что сам князь был так молод и несмышлен. Ему снова вспомнился Симеон Гордый, даже уходом своим он постарался обратить на себя пристальное внимание, подчеркивая свою исключительность. Он словно бы говорил им:

– А теперь попробуйте без меня оставаться.

И вспомнил митрополит, как он спорил с князем и настаивал на своих решениях, они почти всегда оказывались верными, но великий князь был на удивление упрям. И даже ему самому порой казалось, что на небесах какой-то бес распоряжался, потому так трудно было понять некоторые события.

NoNoNoNoNoNo

– Митрополит не дурак, – думал в это время бес, – когда подслушал его мысли, – кому еще как не мне всем и распоряжаться. Они считают, что кто-то из богов ради них пальцем о палец ударит – не бывать этому. Тот, который в Иерусалиме, над всем миром начальник, разве захочет он так далеко на самую окраину заглядывать. И недаром придумали они пословицу для себя, что его дела неисповедимы. И только Алексей первым понял, что если что-то для них и делается, то повинен в этом не господь, а именно он сам. И себе самому казался он значительным и мощным созданием.

NoNoNoNoNoNoNo

Мальчик видел, что митрополит хочет, но не решается с ним о чем-то серьезном поговорить. Но он старался ни о чем важном пока не думать – сему свой срок. В храме он все время стоял перед Георгием – Победоносцем и смотрел на воина, победившего Змея. И так любил он эту икону, так она ему была дорога, что глаз своих он от нее не мог оторвать. И он видел себя на этой старинной картине. Рано или поздно у этого героя окажется его красивое лицо с тонкими чертами. А если такого не случится, то ему следовало не княжским отроком родиться, а оставаться простым смертным, пахать землю, и не думать о схватках и победах великих.

Мальчик был чертовски честолюбив. И в душе его жил не спокойный и невозмутимый отец, а дядя Гордый и яростный. Это было и хорошо и плохо одновременно.

Митрополит пока молчал, но знал, что со временем надо влиять на его чувства и поступки. В военных упражнениях князь Дмитрий был особенно усерден. И тогда он стал ему внушать, что желательно не мечом, а миром важные споры решать, а применять оружие можно только когда уже все остальное испробовать довелось.

– Сколько лет земля русская рыдает и корчится оттого, что люди, ни о чем, не думая, только и хватаются за оружие, словно в этом и видят для себя высшую доблесть.

– В чем же она тогда? – не удержался Дмитрий.

– В том, чтобы до самого конца, пока возможно, мир сохранить. И только потом за оружие браться, да и то с таким расчетом, чтобы как можно меньше людей своих положить. Каждая душа создана не для того, чтобы кто-то бездумно жизни ее лишал. Только ненависть и раздор множились в мире этом, в одну минуту разрушалось то, что создавали веками. И понимал Дмитрий, что по сути своей был прав митрополит, только знал он, что очень трудно все это исполнить будет. Вот и молчал он обреченно. Он думал о мудрости, о терпении, но об этом при мире в тепле говорить хорошо, а как только поднимутся, перессорившись, князья русские, так все умные речи и позабудутся в один миг.

– В те дни, когда падет орда, а наши внуки вольны будут, они не поймут нас с нашими распрями, и будут гадать о том, почему мы воевали, но пока у нас нет выбора, мы не можем добрыми советами митрополита воспользоваться. Так внушал ему бес, и в этом убежден был юный князь. И ему казалось, что существует две правды, одна для служителя бога, а другая для князя и воинов, которые только мечами и могут приблизить светлое грядущее свое. От Ивана Калиты до Симеона Гордого, не так много времени прошло, но как все переменялось. И он все в мире изменит еще раз в свой срок.

Глава 7 К цели

Знал митрополит, что не сразу и не вдруг слова его дойдет до мальчика, но он надеялся, что в память они врежутся, и этого немало. И если в нужный момент он вспомнить сможет то, что говорилось, то не надо будет говорить о том, что случилось тогда. Медленно, но очень твердо шел он к своей цели. Это было самым главным, самым важным, что осталось для него в жизни.

Бес никак не мог согласиться с такими разговорами. Он понимал насколько важнее для Дмитрия владеть мечом лучше всех.

Старик слишком миролюбив, не ко времени и не к месту, и он испортит мне последнего князя, наверняка испортит, – размышлял он и печалился порой так, что и самому плохо становилось. Но он в те минуты за ним неотступно следовал. И по тому, как хотелось митрополиту перекреститься, он понимал, что тот его присутствие чувствует, и все-таки каждый раз в такие мгновения его руки опускались, словно он вспоминал о чем-то важном, и забывал о самом главном.

«Умен и мудр, – усмехнулся бес, – он хорошо понимал, что без меня не обойтись. Все-таки за это время священники значительно пообтесались. Наверное, татары им в том помогли немало. Они неплохо разбирались и видели, кто истинный враг, а кого только можно считать таковым. Но это вовсе не значит, что на самом деле так все и есть.

№№№№№№№№

Бес валялся в траве, пока княжич махал мечом и размышлял о наступивших временах.

«Странные времена наступили, казалось, самые дымные, самые кровавые и смертные прошли уже, давно прошли, но нет. Это не так, если всмотреться. Их так долго давили и топтали, так долго уничтожали, что русичи хотят только одного – сбросить для начала хотя бы татар, и как-то по – иному на мир взглянуть. И Дмитрий им просто необходим теперь, но с другой стороны все они полягут, а результат не так хорош будет, как этого хочется. На место убитого хана (а Дмитрий непременно постарается уничтожить своего соперника) другой придет. А если не убьет он, то прикончат его собственные соперники, на место придет новый, он с новыми силами обрушится на победителей. И тогда добить их не составит труда. И если посмотреть с другой стороны, то в такой большой битве и смысла особенного не было. Но как тогда расшевелить и поднять их. Не может это продолжаться долго. Они и без того попорчены немало. А если окажутся в плену еще на сотни две – три лет, что тогда с ними происходить будет? Даже представить себе это невозможно.

Погибшие воины лучше живых рабов. Он-то в этом не сомневался, но священник думал совсем по-другому. Вот и пусть рассудит время, кто был прав. А миролюбие митрополитово необходимо больше всего для внутреннего потребления. Оно должно было их примирить, но с этим все оказалось еще труднее, и хотя говорят они на одном языке, но никакие слова помочь не могут. И тьма на тьму нашла – и внутри их общества и снаружи такая страшная неразбериха появилась, что никто и никогда не сможет бороться с ним. Наверное, наступит такой миг, когда все, в кучу сваленное, должно было расправить плечи и снова подняться во всей своей красе. И если внутреннее обретет порядок, то и внешнее будет уже без хаоса существовать. Порядок возможен лишь на землях таких, но надо стремиться к нему. Только если будет порядок, тогда и переменится все в мире этом.

№№№№№№№№

Три года прошло в бесконечных военных потехах, и меч почти не выпускал мальчик из рук, и невероятно повзрослел княжич к двенадцати годам своим. И в то время казался почти взрослым. Митрополит старался укрепить город, и стал он за это время настоящей столицей земель русских. И кремль стали они каменный строить, чтобы никакой огонь и никакая напасть

не могли его взять. И городишко стал не просто городом настоящим, но огромным, сильным городом, так, что Владимир мог бы позавидовать городу этому.

Только никто из князей пока не заглядывал в окаянную эту заповедную зону. И витали над ними только тени убиенных и замученных ими князей и княжичей. И темные тучи, тяжелые и мрачные оставались там на долгие времена. Три года пришлось ждать Мамаю появления молодого князя, и когда он силен сделался, то отправился к Мамаю. И впервые тогда столкнулись эти два типа. И никто пока не знал, и знать не мог, что там должно было произойти между ними в грядущем.

– Хорошо, – усмехнулся бес, – еще не скоро все изменится. Но Мамай больше не собирается с русичами ладить. Он видел, что на этот раз не взрослый муж, а мальчишка юный должен был великим князем стать.

Никому не рассказывал Дмитрий о том, что было, и что великий хан говорил ему. Но эта поездка стала последней и самой главной для него. И после похода они должны были принять главное решение – идти против него всеми силами. И уже тогда знал князь Дмитрий, что своих поднять еще труднее, чем чужих. Но нужно было примириться, объединиться и идти против него. И только на это и мог рассчитывать митрополит. Раз собор в Москве, пусть и постарается сделать главное, самое важное. И тогда он сможет всех поднять и увести.

Глава 8 Невеста князя

Митрополит поймал себя на том, что из-за этих бесконечных разговоров он никак не может сказать о главном. А это была женитьба князя. Дмитрий почти не уделял времени и внимания женщинам, хотя они появлялись в его жизни. Девицы и молодые бабы оказывались в обольщении порой искусными, пытались заманить его в свои сети. Но ни одна из них не могла до сих пор надеяться на то, что станет княгиней. Они понимали, что жену их князю найдут его бояре и советнику, и именно ту, которая для них самих будет выгодной и удобной. Она должна будет укрепить положение Москвы в беспокойном, таком опасном этом мире. И прежде всего о мятежной Твери думал Алексей, оттуда вся смута всегда приходила, не могла древняя Тверь мириться с тем, что Москва выскочила, словно гриб после дождя. Но тяжелы были отношения между княжествами этими, не хотел получить митрополит резкого отказа от Тверского князя для своего любимца. Оставался еще Ростов, но там не было невест княжеского рода. И так перебирая одни города за другими, он и остановился на Суздале. И близко – объединить их земли можно, и невеста там так хороша, что и сам митрополит женился бы на Евдокии, и Дмитрий должен быть его выбором доволен.

Он знал, что возможно и от этого выбора придется отказаться, если бы узнавший о нем бес неожиданно не согласился с таким решением. И он думал о том, что лучшей жены для князя не найти. А если невеста ему уж очень не понравится, то всякое случается с людьми, и украсть ее могут, и помирают они неожиданно, совсем непонятно отчего. В крайнем случае, он видение пошлет ей, чтобы ушла она в монастырь, да там и оставалась до конца жизни своей.

№№№№№№№№

В одном солнечное утро, когда митрополит встретился с князем на заре и заговорил о том, что им с Суздалем легко породниться можно, пристально посмотрел на него Дмитрий.

– Ты снова за свое, старик, – но продолжать он не стал.

– Но нам необходимо его заполучить.

Дмитрий молчал. Он ничего не понимал, и ждал, что же скажет ему священник. Тот ему впервые в то утро о Евдокии и сказал. Дмитрий дивился тому, что ему самому такое решение не приходило на ум. Может потому, что он еще не думал серьезно о княгине и женитьбе?

№№№№№№№№

– Этот град мне просто необходим, – размышлял в то время Дмитрий.

Хотя в те минуты он вовсе не был уверен в том, что дочь суздальского князя так хороша, как говорит митрополит. Что вообще этот святоша может понимать в женщинах. Всю жизнь он только со своей женой и прожил, а если и смотрел на других, то так сурово, что они сбежать скорее хотели, и потом в храм их на аркане не затащишь. Юный князь даже себя считал более сведущем в этом тайном деле, чем этого упрямого и строптивого старика. Но с его мнением приходилось считаться. Если до сих пор никто не женился на своих, то и ему не стоит этого делать. Отцы и деды их не были вовсе так глупы, он не будет им в том перечить. И надо выбирать так, чтобы было как можно больше выгоды его княжеству. И оставалось надеяться на то, что эта невеста не окажется хуже других.

Странно миролюбив был в выборе невесты своей первой и единственной, юный князь, не обуревали его страсти, и это должно было успокоить святого отца.

– Князь уже познал с девицами все, что могло его интересовать, – размышлял между тем митрополит, – пора ему и делом заняться, и о наследнике своем подумать. А что может быть более важным для него, чем женитьба и забота о наследниках достойных, чтобы не получилось так, как у Симеона было, когда не знаешь, что делать и как поступить следует при внезапной смерти самого князя. Сколько раз Симеон женат был, и все без наследника остался. Кроме путаницы ничего не было в роду его, хорошо, хоть у младшего брата все не так скверно оказа-

лось, а то, как в старые времена пришлось бы из другого княжества властелина к себе звать, и одному только богу известно кто он такой будет. Его жена будет из старого княжеского рода, потому что по всем предсказаниям Москве столицей оставаться на долгие времена.

Об этом он скажет вечером боярам, чтобы они не думали и не тешили себя надеждами на то, что возьмет он в жену одну из их дочерей, не бывать этому, не позволит митрополит, чтобы кого-то одного приблизили к князю, на лютую зависть всем остальным.

Когда он сказал об этом, зло молчали все, кто за столами расположились. Оставались только надеяться на чудо, которому этот сухой старик не позволит совершиться, пока жив, а жить он собирался ни один год. Но сердиться было не на что, никому и ничего и не было обещано, а то, что в помыслах их творится, пусть с ними и остается. Мало ли о чем думать они могли, вовсе не обязательно, чтобы все это осуществилось.

№№№№№№

Дмитрий слушал сдержанные одобрения бояр своих. Он узнал о том, что суздальский князь дал согласие. Оставалась еще малая доля сомнений, о том, что в последний момент все снова переменится. И тогда он понял, что придется проститься с его возлюбленной Любовью, больше встречаться с ней он не мог. Она оставалась его первой девушкой, с самого начала они были вместе. И она все время была уверена в том, что рано или поздно князь на ней женится, сделает ее княгиней. Но он должен ее убедить в том, что ему хочется этого, только такое невозможно. Даже если это кажется девице страшной несправедливостью. И он знал ее характер – она всегда добивалась того, что хотела. Стать посмешищем в глазах подруг и родственников,, которые будут злиться на нее из-за того, что она не принесла им такой желанной власти. Она не перенесет этого, но что случится?

Она, как и все в Москве слышала о его женитьбе, но на время готова была притвориться, и думать, что суздальской княжны не существует, нет никакого соглашения. Отец первым призвал ее к себе и взглянул насмешливо.

– Нынче утром объявили о женитьбе нашего князя Дмитрия, вопрос, как я понял уж решенный.

– Нет, – вырвалось у нее, – этого не может быть, не будет, так несправедливо.

– Где это ты среди князей наших справедливость встречала, я же сразу тебе говорил, чтобы ты не мечтала особенно о том, чего не может быть.

Он и на себя злился, потому что смог поддаться очарованию. Словно неприкаянная, несколько дней бродила девица, все старалась спрятаться от князя. Она не могла из его уст услышать то, что сказал отец. А он должен был все сказать, и покончить разом с недоговоренностью.

Но разве с самого начала она не верила в то, что сможет обвести его вокруг пальца, очаровать, околдовать, заставить жениться. Даже себе самой она казалась сильной и самоуверенной, потому и не могла поверить в то, что это может быть правдой.

Если бы не митрополит проклятый и все бояре не стояли за ним, не требовали этого союза, он смог бы поступить так, как ей того хотелось, но она была уверена в том, что на этот раз весь мир был против нее настроен. Так неожиданно девица и поставила себя против всего мира. Но она была только юной девушкой, и завтра она окажется в толпе его подданных и не посмеет приблизиться к князю. Она должна будет приветствовать незнакомку, которая и станет их княгиней. Этого не перенесла бы любая, для нее же казалось просто невыносимым. Не дай бог и врагу ее пережить что-то подобное. Она стала понимать, что не справится с этим и случится что-то страшное.

Князь говорил о чем-то туманном, о каких-то тайных свиданий, словно с нее и этого хватит. Она не понимала, почему из-за чьей-то прихоти должна быть изломана вся ее жизнь, ведь ей не нужен был никакой другой, только Дмитрий. Но ничего приятного не было и в жизни княгини, она должна будет избавляться от всех своих соперниц, следить за тем, чтобы никто

не смотрел в его сторону. И она поняла, что готова вскочить на коня, и мчаться, куда глаза глядят. Но разве лучше оставаться в толпе, где каждый может напомнить о том, где она была и где осталась теперь. Но и покидать город, куда-то уезжать она не хотела. В любом другом месте будет только хуже. Это был ее собственный мир, а там, кто знает, что может ожидать их.

Любава понимала, что со временем станет не так больно. Она могла выйти замуж за другого и показать ему, что его больше не существует. Но она знала, что не найдет того, кто хоть в чем-то сможет сравниться с князем Дмитрием. Она знала, что сбежит из-под венца, даже если это сам король Гаральд окажется. В монастырь она не согласится отправляться ни за что, даже под конвоем из княжеских воинов. Она не будет молиться за его благополучие, пока он развлекается со своей княгиней. Она знала, что спрячется на какое-то время и посмотрит со стороны. Но затишье всегда бывает перед бурей. Наконец, она решила посмотреть правде в глаза и встретиться с Дмитрием. Пусть он сам скажет ей обо всем, она перед князем ни в чем не виновата.

Глава 9 Брошенная

Уже несколько дней готов был князь поговорить со своей возлюбленной. Но они в те дни не встречались. Это его удило – никогда прежде и дня не проходило, чтобы не видели они. Она появлялась то там, то тут и всегда хотела одного – чтобы взглянуть на князя своего, убедиться в том, что он жив и невредим и все с ним хорошо. А тут он и сам стал искать встречи с ней, но она будто вовсе пропала. В какой-то момент князь подумал о том, что если бы Любава и на самом деле исчезла, так было бы лучше и проще для него. Удалось бы избежать самого тяжелого разговора. Но ему вовсе не хотелось как-то от нее избавляться, ведь могла она оказаться в другом мире и жить себе спокойно.

Наконец она появилась, и он почувствовал себя неуютно и скованно. Разговор все-таки состояться должен.

Она взглянула на него. И совсем иным, незнакомым показался ей князь. Что-то жесткое было в его облике, словно он сменил свою маску на какую-то совсем иную. И говорил он хриплым, чужим голосом.

– Для меня избрана невеста, скоро свадебный пир.

– А сам ты ничего не хочешь решать, только соглашаться со своими боярами должен, – спрашивала она, и горькая усмешка впервые за все время появилась в уголках ее губ.

– К чему этот разговор, я никогда не обещал тебе ничего. И разве ты не знала, что князя женятся так, как лучше будет для этого мира.

– Знала, – согласилась она, – да надежду таила, что ты другим будешь.

– Я один из них, не лучше и не хуже, – пожал он плечами, не зная, что еще сказать можно, что ответить ей.

– Мы можем миром Суздаль к Москве присоединить и это необходимо всем.

Любава вдруг расхохоталась. Даже сама не ожидала, что ей станет так весело.

– Как все просто получается у тебя, наверное, со временем они тебя Мудрым назовут, как твоего предка когда-то. Но ты ее и в глаза не видел.

Дмитрии впервые видел ту, с которой провел столько времени, но это случилось всегда во мраке. А то, что он видел нынче, странно ранило его. Он много чего мог сказать, но не хотелось злить и обижать ее еще больше. Ему так хотелось, чтобы все мирно завершилось. Он и не думал, что ей так хотелось великой княгиней стать. Но откуда это в простолюдинке?

Не желая больше ничего говорить, он развернулся и вышел. Любава наконец заметила, что за ними следят несколько пар любопытных глаз.

– Проклятие, я все испортила, – подумала она в тот момент, – меня мудрой уж точно не назовешь, и зачем надо было высказывать все обиды, если все решено и ничего не будет он менять. Но ей хотелось, чтобы сказал он это как-то по-другому, надежду оставил, подарок какой подарил. Но за все доброе, что между ними было, заслужила она только упреки. Но разве она повинна в том, что не княгиней родилась и в том, что любила его, забыв обо всем? В тот момент она была готова совершить любой самый ужасный поступок. Она бы стала и против него действовать, если бы нашелся какой-то помощник.

– Князь Михаил Тверской, – мелькнуло имя неведомого властелина, словно его кто-то подсказывал ей.

Он погиб когда-то в орде от рук князя Ивана – деда Дмитрия, но она призывала тень его, разве не хотелось ему так же отомстить тому, что был причастен ко всем его бедам и несчастьям. Она решила обратиться к тем, кто на месте его в Твери оставался.

Алексей узнал о разговоре от слуг верных, которые все ему передавали, что в его отсутствие происходило. Он понимал, что мальчишка поступил опрометчиво. Нет у человека страшнее врагов, чем обиженная и преданная женщина. Он не должен был так делать, но таков уж

был Дмитрий. Его трудно было упрекнуть в мягкости, хотя на первый взгляд он именно таким и кажется. Но Алексею надо было последить за этой девицей. Если дурное зерно в удобренную почву бросить, то оно быстро прорастет, еще неизвестно что из всего этого получиться может.

Он отправился в монастырь и долго говорил с одной из монахинь – тетушкой Любавы. Она заверила его, что девица будет под присмотром, она не навредит им в ярости своей. Она говорила вечером с девицей, неожиданно появившись в их доме. Это показалось Любаве странным, хотя возможно только совпадение и не стоит ломать голову.

– Мы встречались с князем в последний раз, – отвечала она угрюмо.

Она видела черные одеяния и поджатые губы, и с ужасом представила себя на ее месте, нет, уж лучше русалкой в озере, чем запертой за высоким забором.

– Он не обещал мне ничего больше. Я просила его, умоляла, но вместо сердца у него камень в груди, мне не на что надеяться.

– А тебе были нужны ложные обещания? – спросила она сердито.

– Но и жестокость убивает и толкает в бездну. Ты напрасно тревожишься, твой митрополит может быть спокоен. Хотя я пока не ведаю, что мне делать и как быть.

– Ты должна просто жить, на нем свет клином не сошелся.

– Если бы мне пришлось вырваться из монастыря, я бы даже радовалась такой жизни, – говорила она, но мне придется жить без князя.

– Нельзя потерять то, чего никогда не имел, – отрезала она, и в тот момент они были так похожи, словно единое целое.

– Ты напрасно так о монастыре говоришь, там бы ты свою душу спасла, а тут трудно даже сказать спасешь ли ты ее или нет.

Любава не скрывала своих чувств, монахиня видела, что с ней все хуже, чем издалика казалось. Она опомнится, и в ненависти натворит еще больше. А ей придется перед Алексием, и небесами отвечать за то, что случиться с ними может. И все только потому, что этому юнцу хотелось испытать все, что в мире этом творится. И она не сможет сказать им, что ни о чем не догадывалась.

№№№№№№

Князь Дмитрий опомнился. Ему стало немного легче, когда он расстался с Любавой. Но он тосковал о ночах, которые придется провести в одиночестве. Неизвестно еще, какая женщина встретит его на пути своем, ведь и он знал таких холодных и равнодушных, что кроме досады ничего в душе его и не оставалось.

А как только наступила ночь, ему захотелось только одного – отправиться к Любаве, но он понимал, что не должен так поступать. Выбрать надо самую безобидную из девиц и только на одну ночь, чтобы снова не пришлось страдать и объясняться с ней. А таких девиц всегда рядом было великое множество. Но он хорошо понимал и чувствовал, что потерял. За ночь с Любавой он многое смог бы отдать, если не Суздаль, какой бы ледышкой и камнем не была его жена, но многое. А ему хотелось только одного – союза с Суздалью против Мама. Он снова вспомнил о столкновении с ханом. И понял в тот момент, что никакая женщина не сможет затмить этого проклятия, только когда он победит, какую бы цену не пришлось заплатить за эту победу, только тогда можно об ином подумать

Глава 10 Приезд невесты

Еще вчера самая веселая и заводная возлюбленная юного князя Акулина теперь оставалась все время в тени, словно замышляла что-то, чего-то неприятного ждала. А все вокруг понимали, что происходит. Даже самым далеким от княжеского двора парням и девицам хотелось взглянуть на княжескую невесту, оказаться на свадебном пиру, такое не часто случается в Москве, да и любом другом уделе.

Может и доживут они до следующего князя, но когда это будет, а пока у Дмитрия намечалась свадьба.

Многие были довольны, что несносную девицу удалось осадить, теперь она не задирует носа, не властвует над всеми остальными, намекая на то, что все будет князю ведомо. Но Акулина, хотя и оставалась среди них, но дружков себе не искала, держалась особняком. А вдруг ничего не выйдет, и он снова вернется к ней, да и княгиня новая не стена, ее всегда отодвинуть можно, а ночи – то у них были страстными да жаркими, не сможет он их позабыть и так просто отмахнуться от нее тоже не сможет. Но все-таки вести о невесте московского князя приходили все чаще, и надежды таяли, как только она снова слышала о сопернице. Нет, та, конечно получила с самого начала то, к чему только стремилась Акулина, ей проще и легче будет управлять князем. Но надо будет подождать, а вот терпения у нее совсем не оставалось.

Москва с каждым днем все больше бурлила, радовалась, готовилась, девицы стались изготовить себе наряды получше, надеясь на то, что не только перед дворцом и в храме, но и на самой свадьбе побывают.

Акулина много пережила за те печальные и суматошные дни, обида в душе ее росла и силилась вырваться наружу, порой она едва сдерживалась, чтобы не наговорить дерзостей. Но и мириться с тем, что она оказалась заброшенной и забытой наложница не собиралась. Она приносила жертвы Морене с Живой, и зажигала свечи у образов Богородицы, надеясь, что кто-нибудь из них все-таки поможет бедной девице. Она готова была обратиться ко всем богиням, которых знала и не знала, какая разница, кто из них может быть с ней заодно. Но на богинь надеясь, она и сама не собиралась плошать, только что из всего этого получится, вот бы узнать да понять.

NoNoNoNoNo

Князь пребывал в ожидании. Он был слишком молод и горяч, чтобы долго тосковать по жарким ночам и отгоревшим страстям. Хотя он и не представлял себе, что нового ему может подарить та, которая станет его женой. Вот только наследника, и не одного – не это ли самое главное, а все остальное так же, как и всегда. Но как князь Суздальский теперь к нему относиться станет, да и брат князя Бориса, вечный бунтарь должен поутихнуть, а потом они всем миром решить должны, что делать с Михаилом. Тверь давно и долго была костью в горле у Московских князей.

Сколько боролись с ней еще со времен Ивана Калиты, а ничего не получалось. Но Михаил Тверской должен подчиниться им, ради этого он и ворду еще раз отправиться готов был, пусть получит свое и сменит гнев на милость. Сколько еще из-за гордецов подобных тверскому князю, они будут терпеть рабство, жить под окаянными татарами. Так далеко зашел он в мечтаниях, что даже про пир, который был не за горами, позабыл.

Когда несколько дней назад князь сообщил Евдокии, что дал согласие ее на брак с Московским князем, она приняла это извести спокойно и с достоинством, хотя в глубине души порадовалась такой вести. Она давно слышала о Дмитрие, о том, что он возьмет ее в жены, со всех сторон твердили ей о том не раз. Говорили, что он молод и хорош собой, считается одним из самых спокойных и разумных князей, хотя нет у него за спиной ни отца, ни дяди. Но он сам справляется со всем, что творится в этом мире, вечно враждовавшие с ним князья

должны считаться с молодым князем. Евдокия сказала отцу, что он станет исполнять его волю, сделает все, что в ее силах. Немного грустной была улыбка князя, он отмечал, что слишком послушная у него дочь для того, чтобы отправлять ее в столичное пекло, решать за счет ее счастья какие-то свои вечные проблемы. А если этот парень не так хорош, как о нем говорят, то ведь и защитить он свою любимую дочь от него не сможет. Все говорили, что лучшего жениха для его дочери не найти, только можно ли верить таким словам, да и кто знает, как все повернется.

Евдокия в те дни навсегда покидала родимый дом и свой град. Она еще долго бродила по Суздалю, хотя знала, что Москва рядом. Но если даже она и будет приезжать в гости, то никогда уже не будет считать этот град своим. Приданное ее было огромным, и воинов своих в Москву отправил князь. Она знала, что после свадебного пира проснется в Кремле, и должна будет привыкать к той жизни. А сколько там будет у нее забот, страшно даже подумать. Да и станет она там не княжной и любимой дочерью, о которой все заботились дома, а взрослой женой, которая должна будет родить князю наследника и не одного, скорее всего.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Ночью она почти не смыкала глаз, а на рассвете двинулись в путь. Уже по дороге, когда заговорили девицы, бывшие с ней о том, что князя наверняка есть возлюбленная и не одна, надо быть осторожными и осмотрительными, княгиня тоже задумалась о том, что там может ее ждать. Она не сильно ворвалась из-за того, что будет твориться, и все-таки не хотела знать, что от нее муж уходит в другие покои и остается там до утра.

Нет. Рано или поздно она добьется того, чтобы стать единственной женщиной в его жизни, разве не так же поступила и ее матушка когда-то. Но она видела порой, как загорались глаза отца при появлении новой девицы при дворе или молодой жены одного из князей-соседей. А потом эта женщина исчезала бесследно, и больше при дворе ее уже не было.

Путь в столицу оказался недолог. И наступит время, когда земли объединятся, и от этого они станут могущественнее и ярче со временем. Они въехали в главные ворота города, и хотелось только одного, увидеть того, кто станет ее мужем и с кем она не расстанется до самой смерти.

Угадать среди всех собравшихся на площади князя было не трудно. Еще издали было видно, как великолепны его одежды. Она даже устыдилась того, что одета была так просто. Но это ведь дорожный плащ, а к свадебному пиру она успеет переодеться, выйдет совсем в ином наряде. Князь пробрался к своей невесте и поехал рядом. Ему тоже хотелось взглянуть на невесту

Взглянул на нее Дмитрий пристально даже слишком пристально, она невольно смутилась. Он никогда не смущался, и не особенно пристрастно кланялся Мамаю, но все-таки получил золотой ярлык на княжение, не в этом ли его главная загадка? Но рядом с Евдокией он сбыл спокоен и блистателен, чего и добивался наверное так долго и упорно.

Кажется, с первого взгляда она поняла, что отец ворвался напрасно, ей будет тут спокойно и уютно, рядом с таким князем. Служанки убеждали ее, что не стоит мечтать о любви, но она не переставала мечтать и кажется, своего добилась, надо будет Ладе принести дары, как только завершится княжеский пир.

Князь тоже улыбнулся, следя за ней.

– Отчего тебе весело, – наконец заговорила княжна

– А ты хороша, напрасно меня пугали, – просто ответил он.

– А если бы не хороша была, ты бы меня к отцу отправил? – спросила она, сердце сжалось от страха.

– Нет, не отправил, но любить бы тебя не стал и только, – отвечал Дмитрий, намекая на то, что есть вещи важнее их отношений и союза.

И все-таки Евдокия радовалась тому, что все сложилось так, как сложилось, ведь могло быть хуже, но все замечательно.

Глава 11 Свадебный пир

Пир был готов через несколько часов после того, когда ступила Евдокия в княжеские хоромы. Она внимательно взидала на все, что ее окружало, и начала уже тосковать по своему родному граду, хотя старалась не подавать вида, что ей пусто и одиноко.

Все казалось слишком богатым и дорогим, она не привыкла жить в такой роскоши, это ее немного пугало, разве мало найдется охотников, чтобы присвоить себе подобные богатства. Отец всегда смеялся над стремлением великих князей окружить себя подобной роскошью, это казалось ему излишним. Но тут он отнесся к увиденному терпимо, и Евдокия тоже успокоилась. Она спокойно отстояла службу, когда ее венчали на жизнь с князем Дмитрием, волновалась меньше, чем боялась сначала. Дивилась только тому, что тут мало было знакомых лиц, какими далекими и чужими все казались. Она не очень верила в то, что пройдет какой-то срок, и она будет знать всех этих людей, чувствовала, что долго будет с ними сходиться.

Но она не сильно ими и интересовалась. А вот то, что за столом рядом с ней сидел великий князь и ее муж, к этому придется привыкнуть.

Кажется и сам Дмитрий чувствовал себя тут чужим и далеким, такой это был мир. Наконец он поднялся неуклюже и княгиня, а она стала в одночасье княгиней, поняла, что сможет удалиться вместе с ним. Она посетовала на себя за нечуткость, она чувствовала какие-то желания, но это больше было любопытство, и она готова была подчиниться князю в благодарность за то, что он для нее сделал.

Отец держал ее в тереме строго, и вряд ли кто-то из бояр смог бы к ней приблизиться тогда. А если бы решился, всякие люди бывают, то уж точно не снести бы ему голову, никого не пощадил бы грозный отец. Потому и была княжна невинна и даже не имела представления о том, что и как может случиться, что кроется за словами Дмитрия, когда он предложил ей пройти в покои.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Любава пришла на свадебный пир не только потому, что должна была там появиться, но ей и самой хотелось взглянуть на князя и соперницу. Она уселась на отведенное для нее место, ела, наблюдала за тем, что там творилось. Но вскоре она пожалела о том, что все-таки сюда пришла. Она заметила, что Дмитрий околдован этой княжной, и не только потому, что она из древнего рода и ровня ему. Наложница не ожидала, что та так юна и так хороша собой, и самое главное – она в него влюблена, и так взидала на разнаряженного жениха, что все могло воспламениться от взгляда.

Наверное, так же дочь Ярослава Осмомысла когда-то сбежала от своего жениха к Игорю. Если нет такой страсти, то девица никогда не решится на такую дерзость.

Но эта должна была стать женой князя, и у них все совпало в желаниях. Надо было взглянуть правде в глаза и жить своей жизнью, в которой больше нет места князю. Она потеряла больше, чем думала сначала, она потеряла еще и надежду, а это очень много. Нет, он ни разу не взглянул на нее, окаянный. А между тем князь и его молодая жена уже поднимались из-за стола, чтобы отправиться прочь. Гости радовались такому повороту, теперь можно было повеселиться от души.

Любава же готова была броситься прочь, убежать в заповедный лес к озеру, но вовсе не за тем, чтобы утопиться, еще чего не хватало, не дождутся они этого. Ей просто хотелось поплавать вволю, почувствовать, что страшный груз свалился с плеч, смыть с себя все, что было в прошлом, и шагнуть в новую жизнь чистой и спокойной. Ты свободна, свободна, как же это здорово, – повторяла она, пытаясь убедить себя в том, что это так и есть. И у нее не сразу, но все получилось. Жаль, что уйти из-за стола просто так, чтобы не обратить на себя внимания, Любава не могла, слишком заметной фигурой она оказалась.

Как же она ненавидела всей душой весь этот уклад, лишавший человека свободы, а то и волю от него отнимавший, пусть их соблюдает и чтит ее соперница, а ей и прежде они были противны, а теперь и вовсе невыносимы, нет, она не сладит с ними никогда.

– Князь удачлив, ему все время везло. Пусть он рожден среди младших, но где они те старшие, там не оказалось к этому времени наследников, а он уберется от чумы и от холеры. Ярлык на Владимир у него был с самого начала, дядюшка Симеон понимал, что отдавать больше некому. Кажется, нет такой силы, которая могла бы двинуться против него. Он сам устанавливал порядки и все сам решал, все служило ему и подчинялось.

Вот и Любава готова была подчиниться, но она с самого начала понимала, что это только миг, хотя и надеялась окрутить его так, чтобы он женился на ней, сделал великой княгиней. Без князя на пиру ее больше ничего не интересовало, шутки, усмешки за спиной, – это сущее пекло, но она не стала этого терпеть, поднялась и отправилась прочь, повернувшись к ним спиной. Никто к ней не приставал, наверное, почувствовали, что в ярости она готова зашибить любого.

Холопы не сомневались, что князь больше не будет с ней, но и в обиду он ее не даст, не таков Дмитрий. Любава думала о хранителе, ее оберегавшем. Но у него был лик князя Дмитрия, что за причуды такие, она и сама никак не могла этого уразуметь. И только в глубине души ей все-таки хотелось отомстить своей счастливой сопернице.

№№№№№№№№№№

Князь в ту ночь забыл все и всех. Как же удачно решился самый главный вопрос в его жизни – он женился на той, на ком и должен. Он страстно обнимал княгиню и радовался, что все так закончилось. Он расправился бы с любым или любой, кто встал бы у него на пути.

Евдокия была счастлива, готова служить ему верой и правдой, идти против всего мира и всех князей, если потребуется. Если о чем-то она думала теперь, только о сыне и наследнике. И хотя они были молоды, все впереди, это только первая ночь, но ей хотелось доказать мужу, что он не даром связан с ней судьбу. Боги помогут ей и на этот раз, как помогали прежде.

Глава 12 Молодая жена

Свадебный пир продолжался несколько дней.

Но теперь уже и москвичи и владимирцы, которые должны были присоединиться к великому князю, вошла юная женщина. Не осталось ничего от юной и прекрасной девицы. Они понимали, чем истинная княгиня отличалась от той, которая пыталась ей стать.

Она казалась простой и естественной. Она все знала, и ничему ее не надо было учить, спокойно исполняла все, что от нее требовалось. Но самое главное, у нее не было бесчисленных родственников, которые будут следить за каждым ее шагом, все ближе подходя к княжескому столу, и требуя что-то для себя.

Через несколько дней, когда с торжествами было покончено, княгиня вместе с девицами из свиты отправилась побродить по Москве, нашла новый град очень уютным и удобным для жилья. Какое-то время душа ее оставалась в успокоении, примирённая с этим простором. Она хорошо знала о жутких историях прошлого, о которых рассказывал ей монах. Но жить решила настоящим и даже заглядывала в грядущее, уверенная, что прошлого не переменить, а вот грядущее может измениться вполне. В те минуты она и столкнулась с Любовью

Княгине успели рассказать об этой девице, да и сама наложница приблизилась к ней дерзко. Но когда она взглянула, княгиня не отпустила глаз.

Любава поняла, что ничего у нее не получится в этой борьбе за княжеское ложе и внимание Дмитрия. Хотя волнение в душах обеих остались, но княгиня сразу решила, что эта история прошлая, женился он на ней и не стоит сильно много о том думать, дел у нее было очень много. Но Любава переживала не долго, она решила, что не один князь тут такой, есть и другие могущественные люди, главное только правильно выбор сделать.

Пока они подчинили, но не сломили Тверь. Оставалась крепкая вера в то, что все еще может перемениться, и останется Москва такой, какой она была в старые времена.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Когда они вернулись домой, Евдокия даже не вспомнила об этой девице и столкновении на площади. Она знала все об отношениях между мужем и женой, и была уверена, что сможет удержать своего мужа. И не только в спальне, но и во всех остальных делах проявлялась ее твердая рука.

Митрополит, издали за ней наблюдавший не мог нарадоваться, тому, что видел и слышал. Он молил бога о том, чтобы и дальше все было так же, и никто бы не посеял раздора между молодыми. Московскому князю повезло, вот пусть и дальше таким и остается. Суздальский князь, получив добрые вести, тоже жил и радовался, хотя ему хотелось самому взглянуть на то, что там происходило, как-то помочь Дмитрию. Правда, его брат Борис вовсе не разделял этой радости, находил какие-то просчеты у молодого князя, придирался по пустякам.

Князь понял, что в случае чего их можно будет столкнуть лбами и надеяться на поддержку брата. Но князь Дмитрий Суздальский пока молчал и чего-то упорно выжидал. Должно было пройти какое-то время, прежде чем надо определиться с этим миром и новыми родичами.

Но угнетало его то, что подчиниться им всем придется юнцу, и стать под его знамена, в то время как он был слишком неопытен, и неизвестно куда еще их заведет в своих порывах и страстях. Он надеялся, что в трудный момент Дмитрий вспомнит о родичах и передаст ему власть, с которой наверняка не справится сам. А ведь еще все время говорили о том, что нужно объединиться и двинуться против татар всем вместе.

Он пресекал ропот своих бояр, как только они начинали косо смотреть в сторону Москвы, князь был мудр и хитер одновременно, ему не хотелось стать врагом собственной дочери и великому князю, а ведь донесут в один миг все, что он сказал и чего не говорил даже. Но если своих бояр и воевод князь Дмитрий усмирить мог, то для чужих он сделался лютым врагом.

Эти люди ему в лицо ничего сказать не могли, но князю Борису напоминали все время о том, что они приняли позорное решение, и продали москвичам все, что можно вплоть до детей своих и внуков.

Борис злился и молчал. Но так долго продолжаться не могло, он должен был ответить на все эти подлые оскорбления,

Глава 13 Первые ссоры

Дмитрию Суздальскому казалось, что Борис не решится пойти против двоих пойти, а получив отпор, будет яростно биться с ними только в воображении своем. Этого не случилось. Борис очень скоро, они даже не успели опомниться, заговорил о главном. Вернее, до них долетели вести о том.

Известие одновременно прилетело и в Суздаль, и в Москву. Борис неожиданно захватил Нижний Новгород.

Все произошло так быстро, что понадобилось время, чтобы они все осмыслили и поняли. Евдокия страшно побледнела. Ей казалось, что кто-то близкий, родной выбивает почву из-под ног. И хотя это не могло касаться Москвы, на их град скорее всего Борис не пойдет. Но ведь понятно, что это только первый камень, а дальше будет хуже. Не стоило обольщаться. Она внимательно смотрела на мужа, забыв недавнее столкновение с Любовью.

Многие другие события тоже казались мелкими и незначительными, а ведь недавно казалось, что мир рушится. Не зная, как ей действовать дальше, она отправилась к митрополиту, ничего не сказав мужу. Только он мог что-то посоветовать ей, как — то понять происходящее.

Священник обрадовался ее появлению. Но он обманулся, видя пред собой саму невинность, на самом деле княгиня была не так проста и наивна, как он думал сначала. Но не слишком ли рьяно она вмешивалась в дела княжеские.

– Не печалься, – произнес Алексей, выслушав ее, – я сам отправлюсь к Борису, если он не хочет слушать брата, то пусть послушает меня.

№№№№№№№№

Не только митрополита волновало то, что творилось вокруг. И Сергей внимательно следил за происходящим. Роль миротворца между родными и близкими он считал для себя главным. Когда Борис яростно захватил град, который никогда ему принадлежать не мог, он отложил все другие дела и отправился в Нижний.

Град на берегу реки был хорош, что сказать, Сергей невольно залюбовался, представляя себя на месте князя.

Направился он сразу к митрополиту, чтобы обо всем с ним поговорить.

Алексий много слышал о Сергии, о жизни, обо всех его делах, чудесах и видениях. Но он не слишком доверял этому худому и странному монаху, для которого никакой земной власти не существовало. Нет, ничего он понимать в происходящем не мог, оценить ничего не сможет наверняка. Но если ему удастся больше, чем самому Алексию, кто потом выяснять станет, кто и что из них делал, все равно все ему припишут, значит не стоит и мешать.

Сергий был невозмутим, он удалился в собор, чтобы помолиться и подумать о важном. Немало времени провел он в молитве. За ним внимательно следил бес. Он сам захотел все подстроить так, чтобы эти двое сошлись наедине, ему все удалось.

– Кто из них важнее и значительнее, кто сможет больше для этого мира сделать? – пока понять это не мог даже он. Но они так здорово дополняли друг друга, что один без другого и обойтись уже никак не мог.

– Ну что же, пусть пока примирятся. Может для князей неплохой пример покажут. Рубище и дорогие одежды рядом, это показатель. Каждый из них служит по-своему их немощному богу, но без него теперь уже не обойтись, как при прискорбно было это сознавать.

После такого открытия проще и веселее стало жить в этом мире.

– Ты должен вернуться к себе, разве мало бед на Руси, стоит ли их множить? – все яростнее спрашивал митрополит.

Бес бы наверняка придумал и что-то похлеще, в тот момент, когда в Нижнем оказались эти двое, но пока они лили воду на его мельницу, надо было как-то остановить дядюшку, иначе

хуже будет всем. Тогда уж не святошам-бездельникам, а ему самому придется браться за дело, а этого ему не хотелось вовсе.

– Пусть хоть тут принесут какую пользу, – размышлял он сердито, – а то одному только и остается суетиться.

Князь молчал, тогда говорить начал Сергей, голос его был тих, но выразителен, никакая сила больше не смогла бы его остановить. Молча слушал его Борис, всем видом подчеркивая, что решения менять он не собирается. Тогда хитрый митрополит, уже отстоявший службу, рассказывал тем, кто оказался в храме, что их ждет, что будет, если князь одержит верх над всеми прочими. Крепко задумались люди, но мало что во всем этом они понимали, показалось князю, что не станут они разделять с ним участь.

Борис же, ни о чем не подозревавший, был уверен в том, что люди встретили его терпимо и должны поддержать. Ты печешься о народе своем, отец Сергей, – заговорил он после долгого молчания, – что же, пошли к твоему народу, посмотрим, что там будет происходить.

Он распорядился, чтобы люди подошли к княжескому дворцу, и немного был удивлен, когда узнал, что они и без того уже там собрались.

Глава 14 Перед народом

Князь встал впереди, служители божьи стояли за ним, наблюдая за тем, что творилось вокруг.

Дмитрий сразу заметил, как насторожены все эти люди. Это не могло ему понравиться. Когда же спросил он, хотят ли они, чтобы он оставался их князем, возник странный гул, где трудно было что-то понять. Он усомнился в том, что они пойдут против захватчиков вместе с ним. Но когда все переменилось, почему он оказался в опале, если еще вчера все было по-другому?

Неужели кому-то удалось добиться того, что не удавалось и в более длительный срок? Но не было ответов у него на все вопросы. Так горько и грустно стало вчерашнему победителю вдруг.

– Народ слишком набожен, – размышлял он, – не желая больше с ними оставаться. Они могут просто смести его, так, что и следа не останется.

Митрополит сказал несколько слов после ухода князя. Сергей просто внимательно взирал и хранил молчание. Но каждый из них мог гордиться тем, что он совершал. Но что-то еще помогало им, может быть просто удача? Он не хотел даже думать о том, что это бесова помощь Ему внушили, что за это наступит расплата, ведь ничего просто так не делается.

Борис в спешке покинул город. Он не думал, что все будет вот так происходить, а потому ярился и хотел уйти от всего этого немедленно. Мы живем в ином мире, вовсе не там, где его бог и священники, но они играют более важную роль, чем хотелось бы.

– Мальчишка не так уж и глуп, как хотелось бы, когда он позвал их на помощь, то не прогадал.

Он вспомнил своим слова, обращенные к боярам:

– Я еще вернусь, я непременно вернусь.

Бессилие, вот что больше всего пугает властелина. Но порой оно заставляет что-то изменить и в мире, и в своей жизни. Он подумал о том, что брату в Суздале, и мальчишке в Москве уже известны все подробности случившегося. И это так печально.

№№№№№№

Дмитрий остался доволен делами митрополита, поблагодарил за все, что случилось с ними в последнее время. Он приставил к нему своего человека, чтобы знать, что там творится. И хотя трудно ему было поверить, что от одного человека, так много зависит, но скорее всего это так, сам бы он вряд ли что-то смог доходчиво объяснить своему дядюшке, не хватило бы у него ни слов, ни терпения. В пылу волнений, он не сразу узнал и о Сергии. Но потом понял, что прибыл к нему тот самый знаменитый Сергей, к славе которого с ревностью относился митрополит, больно века была его власть над миром.

Потребовалось немало времени, чтобы выслушать историю о старце (наверное, только он один ничего не ведал). Вот и слушал, как тот отказался от мирной жизни, когда было ему видение, вот и ушел он подальше от мира, и жил хотя и убого, но все-таки преуспел в другом, теперь и митрополит, не говоря уж об остальных священников должен был с опаской на него поглядывать.

Только после истории Сергия, узнал Дмитрий, как не приняли Бориса граждане, как пришлось им изгнать неугодного князя. Тогда и понял Дмитрий, какая могучая сила народ, как важно, чтобы они были на твоей стороне, если же такого не случится, то больших дел можно и не начинать. Митрополит, следя за молодым князем, отметил, что парень умен, учится на чужих ошибках, и у него это прекрасно получается.

Глава 15 Угрозы

Из всех бед и несчастий, которые сотни лет выпадали на долю русского народа и их князей, сейчас были самые тяжкие, и казалось, что они будут вечными.

Но порой казалось, что с князем Дмитрием все будет не так, как с другими, что он выбрал какой-то совсем иной путь и будет по нему двигаться вперед. Оставалось только все сделать как следует, довести начатое до конца. Но митрополит убедился в том, что татарва, для них не единственная угроза – были еще и литвины – вечные соперники русичей, яростные вояки. Ведь своих земель у них почти не было, все время хотелось получить чужие.

Как много вестей скверных приходило о воинственном Ольгерде Литовском. А как послушаешь это – кровь холодеет в жилах. Одно было понятно, не справиться им с такой напастью, да еще младшему в княжеском роду, да если они одновременно на Москву двинутся, то никак не справиться.

Литовцев надо усмирить, он хорошо знал, как Александр Невский, когда на Новгород его шли то шведы, то германцы, и только татары до него тогда добраться не могли, как молодой князь Александр против них выходил. Но плен Ольгерда был страшнее тех, прочих, и татарского страшнее, потому что он так просто не уйдет. От него не откупиться, как от татар. Тогда соединятся и сольются с ними навсегда литвины, что и теперь уже случалось не раз. С такими печальными думами и оставался митрополит в те дни и часы. Он еще не говорил о том с князем, но разговор этот так и витал в воздухе, и никак от него не уйти не спрятаться.

– Мальчишка удачлив, – думал он о Дмитрие, – но много выпало на его долю всякого. И тошно и пусто было ему после этих мыслей. Даже молиться он не мог, так тяжело было на душе.

Он не мог на Сергия надеяться, но понимал митрополит, что туда и должен он взор свой направить, там защиту и поддержку искать придется.

Евдокия стала расспрашивать мужа об Ольгерде. И столько страха тогда в голосе ее было, что понял Дмитрий, надо как можно скорее кончать с ним, потому что весь их мир в таком же страхе перед грозным литвином живет.

Дьявол, сумевший завладеть душой его жены, страшнее и опаснее татарского хана будет. Он знал жуткие истории любви. Когда из-за не совершались страшные безумства, а не только подвиги. И благоразумные девы становились безумными в такие минуты, ведь он стар и мудр, обольстить ему ничего не стоит любую, и его княгиню тоже. Потому в небывалом волнении Дмитрий прибежал к митрополиту. А тот словно угадал, что же его так могло взволновать тогда.

NoNoNoNoNoNoNo

Увлеченный разговором с митрополитом, успокоенный дядюшкой и занятый яростной борьбой русичей, с татарским ханом, Ольгерда они просмотрели, заговорили о нем поздно. Они только собирались действовать, когда этот Дьявол, а так они звали и величали, стоял у врат Московского княжества. И все скоро поняли, какова его осада столицы.

Литвин осадил Москву со всех сторон. Радоваться можно было только тому, что успели они к тому времени построить каменный Кремль и за стенами его, почти неприступными вовремя спрятаться. Там и надо было спасаться. Он решил измором брать москвичей. Вот тут и вспомнил юный князь о предательстве, которое могло бы совершиться. И хотя жены вроде надежными были. Он подумал о той, которую так спокойно оттолкнул когда-то, про Любаву.

– Глупый был, не говорил с ней, ничего не объяснил, а теперь живи и оглядывайся, что еще может случиться. Даже подарка никакого не сделал, чтобы она не была так зла и мстительна.

Конечно, тогда он считал, что поступил честно и порядочно к своей жене, но что должна чувствовать та девица, он об этом задумался только теперь. Нет, ему надо быть осторожнее в дальнейшем. Он и сам бы не простил, будь у него такой характер. Но теперь ему легко и просто можно всадить нож в сердце. Ничто больше не давало покоя Дмитрию, и стены, казалось бы, могли легко отступить и расступиться.

– Я приставил к ней охрану. Она не покинет крепости, а Ольгерду сюда не добаться.

Больше о девице они не говорили. Но Дмитрий был зол, и винить кроме себя некого. Наверное, нельзя грешить и безнаказанным оставаться.

№№№№№№№№№№

Любава стала о чем-то догадываться, когда в ее дом ворвался монах, и уверил отца ее в том, что по воле князя жить он станет тут. Ничего на это отец ее не ответил, только пожалел о том, что враги ее раньше догадались о том, что может случиться. Ему же хотелось к литвину отправиться, вдруг тот сможет оценить все, что они ему дать смогут. Пусть тогда князь Дмитрий пожалеет о том, кого и почему он пропустил. Но не надеялся он на литвинов, и там всякое у них случиться может, стоит ли игра свеч, вот что самое главное.

Предателей пока не находилось. Русичи оказались на редкость единодушны, что было особенно странным.

Митрополит в те дни ходит бледный и отрешенным, все время шептал молитвы, в которые и сам не верил. До него дошли вести о том, что литвин покинул Суздаль, а в том, что тверские князья к нему примкнуть должны, никто в Москве не сомневался.

№№№№№№№№

Дмитрий взирал на странный, словно вывернутый наизнанку мир. Отчего он был так устроен, почему им лучше быть с литвинами, чем со своими братьями?

Ведь у других все объединяются и остаются вместе, а у нас что творится. Дмитрий видел себя в числе объединившихся, как и каждый другой видел себя во главе такой силы, не отсюда ли все беды? Но жить приходится в том мире, какой он есть, другого им не дано.

Глава 16 Противостояние

Михаил Тверской встречал Ольгерда с великой радостью, словно победителя. Несмотря на суровый нрав и честолюбие, столько громких слов ему сказал, сколько никогда потом не произносил. Но обморочить литвина отказалось не так – то просто, он прекрасно знал цену этих слов. Ясно было даже постороннему человеку, уж не говоря о них самих, что несмотря на показательный восторг, между новоиспеченными союзниками идет борьба. И вряд ли в ней будет победитель, а победа не будет его радовать. Все могло развалиться в один миг. Но пока они нужны друг другу, как воздух, Москва у того и другого была костью в горле, хотелось только одного – избавиться от нее поскорее.

– Почему это, – спрашивал Дмитрий у митрополита, – разве кошмара татарского тверскому князю мало, – кровь рекой лилась и деда его и других, но он ничего не понимает и никак не может успокоиться. Многие были уничтожены в орде, но живых это все одно не останавливает. И как может он с литвином новый союз заключать?

Митрополит ничего не ответил на сетования юноши, слишком тяжелы для него были те вопросы, которые в тот момент он задавал. Но надо было напомнить о том, что те самые русские князья не без помощи его предков были убиты. Нет такой силы, которая может заставить Михаила с ним – потомком убийц оставаться. Обидно было и другое – дети, внуки и правнуки должны были страдать оттого, что, что творилось в исторические времена. В это время в Москву пожаловал Тверской князь. Ему удалось пройти мимо Ольгерда и мимо тверчан. Пошел он прямо к дочери и зятю. Он оказался вроде бы непричастен к происходящему, потому спокойно выслушал сетования. Когда просили его подействовать на тверского князя, он согласился., потому что и сам был заинтересован в том, что творилось там. Но его так поразила, так понравилась ему дочь, тверского князя, что стала она скоро княгиней, и во всем мужу помогала. А он и не думал, что сможет ею так гордиться.

Митрополита порадовали слова княгини, но он только улыбался, думая о чем-то своем.

– Не стоит на том сильно настаивать, – говорил он, – так давно все началось, так глубоко все зашло, никто теперь с ним не справится, нет в том сомнения.

Ольгерд отступил, так ничего и не добившись. Как только литвин ушел к себе, непонятно, какая сила могла заставить его отказаться от задуманного, Дмитрий отправился тут же на поклон к Мамаю.

Евдокия вздрогнула.. Она не желала, она боялась этого шага. Но ничего иного им не оставалось. Она думала о том, что за это время хан мог передумать, что все могло измениться. Да и не стоило на его милость надеяться сильно. И от этих мыслей ей стало худо.

Митрополит тоже чувствовал неладное, хотя пока молчал, но чувствовалось, что он не согласен и никогда не согласится на это.

– Мне нужен ярлык Владимирский, поддержка хана нужна, если с Михаилом не может быть союза, то пусть он будет против них. Только татарин и сможет испугать его. Против Твери мне нужно воинство. Мамай согласиться со мной должен. Пока ему страшен Тверской князь, он что-то для нас сделает, мы не можем отступить и на шаг.

Алексий задумался, он с усмешкой вспомнил, о том, как долга и упорна учил крестника своего миром все решать, но ничего не вышло из его учения. Наступили времена, когда учению его грош цена. Пусть он забудет о мире, он и без того, что можно уже решил. Решил схватиться с Михаилом Тверским, иначе придется им лишь в осаде оставаться, да на судьбу свою роптать.

– С нами будут Новгородские, брянские, ярославские и смоленские воинства. Тогда и Суздаль присоединится, не устоять от этого Твери, а Ольгерд не заставит себя ждать, отправится прочь. Кто бы усомнился в том, что хитрый Литвин останется верен своему союзнику,

с которым отношения у него сложными были с самого начала, еще неизвестно какими они будут дальше.

Но хорошо было размышлять да мечтать, а как все на деле окажется, угадать он не мог, да и никто не ведал этого.

Глава 17 Проводы

Княгиня видела, что тверд оставался Дмитрий в своем решении. Но, наверное, умереть ему было проще, чем возвращаться туда. И сердце ее обливалось кровью. Даже если он останется жив и невредим внешне, то можно представить, какие муки и несчастья ему придется пережить, оказавшись снова у татар. Говорят, что Мамай хитер и привык менять своим решения. А что, если у него нашелся другой союзник. Если он испугается той силы, которую вокруг себя сплотить Дмитрий собирается?

Чтобы не одолели скверные думы, она решила отправиться в храм и помолиться не только о здравии его, но и об успехах, потому что это ему теперь было нужнее всего.

NoNoNoNoNo

Бес не противился походу князя к Мамаю. Пусть он вблизи увидит главного противника, пока еще есть такая возможность. Ведь до ненависти его останется тогда только один шаг, но этот шаг ему обязательно надо сделать. Только в таком походе он станет тем, кем должен.

Все это надо прожить и пережить, иначе напрасными будут пророчества. И тогда появится еще один Иван Калина – хитрый, коварный, но не способный сбросить путы рабства. А бес настаивал на том, чтобы Дмитрий был иным, чтобы никакая сила не смогла его сокрушить. Только второй поход и второе унижение может этому как-то помочь.

Бес не сомневался в том, что ничего там с ним не случится, а вот душу он закалит, на боевой лад настроит.

NoNoNoNoNo

После молитвы, на рассвете, княгиня и не заметила, что она так долго оставалась в храме, она все-таки очнулась, и поняла, что пора приниматься за дело.

Конники во главе с князем появились перед ней, приостановил своего коня Дмитрий, заметив ее. Она спокойная и красивая, стояла перед ним у городской стены и просто смотрела, как он отправлялся в этот поход. Девицы рыдали притворно или по-настоящему. Она оставалась спокойной, даже не подавала виду, словно он на охоту отправился. И ничего ему там не могло грозить. От этого и князю становилось спокойнее, появилась уверенность – с ним и на самом деле ничего не может случиться.

Михайло Бренок был рядом с ним. Они успели договориться с княгиней, что тот будет следить за всем, что там творится. Глупо было бы, пройдя такой путь, оказаться в лапах у татарина. И значит, у него должен быть верный телохранитель, с которым ничего не страшно. Дмитрий пришел в этот мир, чтобы за всех князей, от Александра и Даниила и до последних, загубленных и плененных в орде, отомстить. И даже за тех, кто подобно Ивану Калите должен был подличать и расправляться со своими, и предавать братьев, ради какой-то иллюзорной выгоды. Ведь делал он это не потому что был злодеем, а так должен был поступать, чтобы остаться в живых и свой мир сохранить.

Но кто-то должен этому конец положить? Вот и должен Михайло помочь князю в этом, потому что на них двоих только и остается надеяться.

Дмитрий тоже думал о тех, кто должен помочь ему в этом тяжком деле. Он еще мог надеяться и на беса, но был и отец Сергей, тот, о котором он столько слышал, но с собой связать пока не мог, потому что робел перед грозным стариком. Таинственным и далеким тот казался. Непонятно откуда он пришел, куда идти собирался. Но сам отец Сергей интересовался делами московского князя больше, чем всем остальными миром. Он знал, что судьбы их навсегда связаны, что ему надо идти в Москву.

– Он вернется, – спокойно говорила Евдокия, нечего о нем рыдать, словно князь покойник. Пусть хан попробует причинить ему хоть какой-то вред, небо на него обрушится и земля задрожит у него под ногами. Думаю, что бес и татарина о том предупредил.

– Откуда у нее вера такая? – спрашивал бес, подслушав мысли княгини, – ведь она ничего не может знать, а в жизни всякое случается.

Он помнил Ярославну, помнил княгиню Ольгу, но они какими-то другими были, совсем другими, да и времена у них иные. А выросшая в рабстве и унижении, она не могла переживать ничего такого. Может кто-то из старых богов или богинь им помог, было какое-то видение. Никаких случайностей в мире нет и быть не может. Но как же невероятно сложно было подняться и расправит плечи, и что это, падение или взлет, кто бы знал это.

Глава 18 В Кремле

Мамай уже знал, что отрок тот, на которого одни войной идут, а другие говорят о нем, как о живом боге, юнец, не спарившийся с врагами и с желавшими побольше заполучить, его поддержкой заручиться – этот парень идет к нему снова. На этот раз надолго задумался властелин, который уже утвердился на ханском столе, и считавший себя ханом, так же считали и некоторые из близких к нему вождей.

Что делать хану, если до него дошли слухи о грядущем величии Дмитрия. Если наушники ему уже все уши прожужжали, и он будет ковать это величие врага своего. Но может ли хан приблизить к себе такого вассала.

Мамай мысленно обращался за советом к тому, кто был рожден ханом – к Батью. И молчал грозный его предшественник, словно не хотел давать совета, которого этот не послушается все равно. Тогда сам Мамай решил, что давать ему ярлык опасно. Но с другой стороны, когда он так же думал и настаивал, Михаил Тверской объединился с Литвой и к нему теперь ехать не собирается. Борис его родственник, и против брата он открыто не пойдет. Кого из сильных, достойных внимания князей он не вспоминал, они таили в душах еще большую угрозу, чем юный Дмитрий. А ему ли не знать, что скрывается за спокойными, улыбочивыми лицами, напускной покорностью и обманчивой слабостью этих славян. Только коварные замыслы там и остаются. А потом и нож в спину станет обычным и привычным в таком случае делом. Да и оглянувшись назад, он видел, что с Московскими князьями все его предшественники как-то могли договориться, пока до большой беды дело не доходило.

И пока сам князь Дмитрий поднимется и окрепнет, все будет по-другому. С Мамаем покончит кто-то из более сильных соперников не на Руси, а здесь, под боком. И главное, что всегда можно сослаться на своих вассалов, переменить решение, все в его власти. Если он поймет, что кто-то из них больше подходит, тогда и изменит, а пока надо отправить Дмитрия с миром и поддержать его. Злой и коварный литвин, если он доберется до них, то все переменит, никакими угрозами не согнать его с этой земли, а воевать с такими сильными воинами он пока не готов. Так что все напрасно.

№№№№№№№№№№

Евдокия вместе с девами боярскими и женами вернулась в пустой дом в Кремле. Место, которое вчера еще казалось ей настоящей крепостью и убежищем, а таким оно тогда и было, превратилось в какой-то каменный мешок. Княгине казалось, что ее бросили в темницу. Ей же хотелось поселиться в бревенчатом тереме высоко, так чтобы к небу было ближе, чем к земле. Никаких камней, только дерево, которое живет и дышит по-прежнему. Но через минуту она представила, как полыхало ее воображаемое жилье, если Ольгерд со своими воинами приблизится к нему. А что от него тогда останется? Была чудовищная несправедливость в том, что она оказалась совсем одна, и кругом были только камни, и ничего кроме камней. Но еще хуже стало вечером, когда ужин завершился как-то поспешно, все разошлись по своим комнатам. И только пара служанок осталась с ней рядом.

Сразу вспомнились все страшные истории, которые с самого детства слышала она. Тут же заметила княгиня белую фигуру – стояла перед ней Анна Кашинская в черном монашеском одеянии. И говорила она хотя и тихо, но каждое слово слышала княгиня:

– Сначала мужа моего привезли мертвого, потом старшего сына Дмитрием мы его звали, потом и Александра с внуком Федором, оставалось мне их только встречать да хоронить, ничего другого мне в этой жизни больше не оставалось.

– Ныне иные времена, мой муж и те, кто с ним, покончат с этим.

– С этим покончат, другие найдутся, когда было такое, чтобы братья не воевали. Может только княгиня Ольга могла удержать, да где теперь такую княгиню найти. Одни затравленные

и несчастные только в мире этом и остались. А мужи наши только и готовы сражаться до самого конца.

Княгиня в те дни становилась все печальнее. Слова призрака запомнились ей, все яснее становилось, что живут они во времена глухие. Но хотелось только, чтобы муж ее победил Мамай и землю свою от рабства освободил. Пусть между родичами и братьями мир и порядок остается. Ведь до вторжения татар только и были ссоры и раздоры между братьями, вот и ослабли они так, что любой Батый смог их спокойно захватить и подчинить себе. Не было тогда числа убийствам и коварству. Ведь не для битв одних приходят они в мир. Жизнь не должна уничтожаться потому, что кому-то и что-то захватить хочется.

Вот об этом после бессонной ночи княгиня говорила с митрополитом. Она хотела услышать что-то самое важное для себя. Но священник молчал, слушая ее пылкие речи. И стала она спрашивать, как после победы над татарами примирить родичей, заставить их оказаться от сражений.

Святой отец никак не мог понять одного, кто с ней об этом, когда говорить мог, кто заставляет ее заглядывать и в прошлое и в грядущее одновременно.

– Всегда будут недовольные, мы не сможем всех примирить. Даже когда Авель с Каином были, и то одному захотелось убить другого, не смогли они жить в мире. А когда у князя пять или шесть сыновей, как же их заставить смириться, если одним лучшие земли достаются, а другим худшие?

– Но нельзя, чтобы так длилось бесконечно, – твердила княгиня, отступать и сдаваться она не собиралась.

Она знала, что ее жажда родить наследников для князя легко может обернуться трагедией, большой бедой.

Глава 19 У Мамаю

А между тем Дмитрий прибыл в орду. Многое тут ему было уже знакомо. Он усмехнулся, вспомнив обещание, которое ему так и не удалось исполнить, когда он отправился назад в прошлый раз, когда он обещал, что никогда больше не ступит сюда его нога. Только несколько лет прошло, и обещание пришлось нарушить. Судя по улыбкам татар, они знали о его появлении и ждали его.

Кажется, Бренек думал о том же самом. Не потому ли они переглянулись?

Почти ни о чем не думая, он исполнял все их обычаи. Вспомнил Михаила Черниговского и Михаила Тверского, которые вели себя здесь дерзко и вызывающе, и что с ними стало? Стоило ли так далеко отправляться, чтобы здесь найти свою смерть.

Все было довольно сносно, может потому, что все самое страшное пережил князь прежде. Теперь ничем больше не могли они его удивить. Дмитрий думал о том, что тот, кто править людьми не может идти напролом, не может он думать о себе самом и только о себе. Они спорили о том с Боброком перед выступлением в Орду. Князь разгорячился. Но его друг оставался при своем мнении, сам же он убедился, что прав. И тень Калиты кажется, твердила о том самом. Только тут он услышал голос живого собеседника.

– Хорошо, даже если принять твои слова на веру, ты меня все-таки не убедил ни в чем. Но где же та грань, чтобы определить, что малое отступление и соглашательство, а что уже подлость, как это понять можно?

– В душе человека есть такое мерило.

– А я думаю, что все начинается с малого, сегодня можно просто наговорить на своего врага, завтра передать его в руки хана, а потом и самому поднять меч и ударить в спину.

– Если от этого всем станет лучше, – усмехнулся Дмитрий.

– Не надо про всех говорить, они разные, и то, что лучше для одного, для другого обернется настоящей бедой.

Понятно было, что и разумный его друг тоже о том немало думал. Но истина должна оставаться где-то посередине.

Это то же самое, что идти по краю обрыва, да еще с завязанными глазами. Один неверный шаг и сорвешься, а может, и нет. Ер судьба любого князя – это тот же самый обрыв, если он встал и полетел, то ли к небесам, то ли в бездну. И не сразу то ведомо становится.

Мамай приветствовал своего непрощеного гостя, и хотя по его внешнему виду ничего нельзя было сказать, но было видно, что он этому рад, и все у него получится.

Дмитрий и вовсе был счастливчиком, все у него получалось. Он верил, что ничего худого с ним не может случиться. Но пока он говорил о страшном союзе Михаила Тверского с Литовским властелином, и добавил:

– Смотри, хан великий, если мне плохо будет и сокрушат меня они. То и противу тебя пойдут тоже, и все ты тогда потеряешь, ничего не дождешься. Ни в какие времена не подчинялась Тверь орде, а если Литва к ней присоединится – сила буден несокрушимая вовсе.

– А если ты к ней присоединишься? – усмехнулся татарский хан, наверное, вспомнил, как он с Суздалью справился, – говорят, что князь неугодную жену в монастырь отправить может, например, взять дочь Михаила.

– Если бы он мне даже и дочь свою отдал, разве это бы остановило его? Никогда их дети не сдерживали. Александр погиб вместе с сыном своим, все сыновья Михаила старого головы тут сложили, но они всегда выбирали смерть

Кажется, слова прозвучали убедительно, а татарин приказал исполнить то, о чем просит его московский князь. А про себя он подумал:

– Он больно юн, чтобы против меня идти, ему и братьев своих хватит, чтобы с ними враждовать до конца дней. И мне нужен такой союзник, пока точно нужен.

Мамай радовался, что все подтвердилось, он может оставаться спокоен. Ему казалось, что он может упредить все ходы русичей. Это радовало ордынского хана, который не верил, что он твердо на земле стоит.

Дмитрий не стал оставаться до утра, зная как переменив нрав властелина. Сказал, что он ничего не боится, до утра доберется до дома своего спокойно. Боброк с ним согласился, и они поспешно оставили хана. Все исполнено, ему не хотелось, чтобы княгиня печалилась и долго его ждала.

Глава 20 Возвращение

Боброк говорил об удаче на привале. Они остановились, как только отъехали подальше от татар, казалось, что ничего больше не грозит.

– Ты не должен слепо верить в то, что везти тебе будет всегда. Скорее всего, это бесовы проделки, за везение придется платить.

– Бес виноват, – усмехнулся Мефи, – сами творят черт знает что, а потом на беса можно спокойно кивать.

Он притворился, что злится все сильнее, хотя поражался прозорливости того юноши. Именно такой человек ему и был нужен, чтобы усмирить пыл.

– Пусть он будет гласом моим, через него я буду влиять на князя, – тут же решил бес. Ему удалось свалить на другого свои обязанности. Ну и хорошо, что все можно сделать так просто, и не связываться с грозным митрополитом, дурачить того не такое приятное дело.

Прошло время, когда его просили появиться. Он не сердился на них, он вообще редко на людей сердился, но понимал, что действовать должен по-иному. А Боброк сам к нему в руки и шел. Он благодарил провидение за то, что так все там было.

– Мне везёт, – усмехнулся Дмитрий.

Он понимал, откуда взялось это видение и везение – его ковал своими несправедливыми поступками Иван, потом его внук Симеон, повернувший в обратную сторону, татар от себя отбросивший. А он оказался самым подходящим для нового хана, а по сути самозванца, потому что ханом настоящим Мамай никогда не был, просто они так привыкли считать.

А тем, кто оставался за его спиной непокорёнными, хорошо было говорить, делать все, что хочется, попробовали бы они вот так пожить, как ему приходится. Но союзом с Литвой Михаил на его мельницу воду лил, вот и все везение. Но какая разница, кто и что делал для того, чтобы он, Дмитрий рано или поздно оставался самим собой, в этом не было ничего сложного и необычного. Совесть, конечно, порой напоминала о себе, но он мог ее усмирять. А если она все-таки трепыхалась, то он отмахивался и уходил прочь. Почему-то вспомнились предательские мамаевы слова, о том, что жену было отправить в монастырь. Тот словно бы проверял его на прочность. Ему хотелось понять, насколько связан он с Суздальским князем, и хотел понять, насколько они жестоки к своим женам.

Ведь еще Батый, помнится, дивился тому, насколько стоят непреклонно славянки, и скорее умереть готовы, чем оказаться в плену. Но князья, которым они были верны, часто бывали очень жестокими, и в монастыри отправляли, чтобы они там отмаливали свои грехи. Наверное, даже простому татарину такое не пришло бы в голову, а у русичей нормальным считалось. Но с Евдокией Дмитрий никогда бы так не поступил. Он был так привязан к ней, что ни за что бы с ней не расстался, кто бы и что от него не требовал. Да и митрополит все время твердил, что все должно завершиться мирно. А вот Любаву следовало бы запереть, только ей никакой монастырь не помеха, она сбежит оттуда, никакие стражники не удержат. Но не может он с такой девицей связываться и сражаться, не дело это. Вот в один прекрасный вечер и вернулся князь снова к ней, чтобы выяснить что-то для себя важное...

Но если бы тогда там был кто-то из соперников (бог хранил его от такой встречи) то наверное, убил бы его князь молодой и горячий. Вот это была бы еще одна непростительная глупость. Пока опасения его были напрасными, никаких возлюбленных у Любавы тогда не было. Она просто токовала, зная, что князя в городе нынче нет. И при этом кляла его за то, что он так исковеркал ее жизнь, кажется, воли лишил, хотя ничего такого от нее и не требовал. Но и кляня, она не желала ему гибели, потому что с мертвым князем умерла бы и надежда на то, что она может великой княгиней стать, а пока он был жив, она могла ждать и надеяться. Тоска быстро исчезала, она снова улыбалась и оставалась спокойной и рассудительной.

№№№№№№№№

А княгиня на рассвете вышла в чистое поле, даже не приказав запрягать коня. Она пошла пешком и стала ждать на перекрестке. Все, что она загадывала, сбывалось чудесным образом. Она не сомневалась, что в этот день Дмитрий должен вернуться домой.

Когда на горизонте образовалось облако пыли, и нельзя пока было различить людей, ей хотелось броситься туда, бежать к ним навстречу, она с трудом сдерживала себя, потому что не могла допустить такого безрассудства. Ведь это мог быть отряд татар, и тогда она только поможет пленить себя и увезти неизвестно куда, а то и убить. Будто у Дмитрия нет других дел, как только вывозить ее из плена, если она вообще останется жива.

Нет, пока она не могла еще на таком огромном расстоянии отличить чужих от своих. А вот укрыться от чужаков, спрятаться в заповедном лесу все еще оставалось время. Можно было и в монастыре укрыться, татары к ним не приближались и не трогали.

Но страхи казались напрасными, это были Русичи. Хотя, кто сказал, что братья князя не страшнее тех самых татар. Тут же припомнила она своего дядю Бориса, который всегда готов был мстить Дмитрию за изгнание. И он забудет, что перед ним родная племянница. И снова на месте оставалась княгиня. Но вскоре она поняла, что это не дядюшка, а ее муж мчится. И она успокоилась и улыбнулась.

№№№№№№№№

Дмитрий приблизился к ней, еще издалека увидев одинокую фигуру. Он подумал о том, что это может быть его любимая жена, кто же еще останется стоять на перекрестке и ждать их возвращения. Тогда он стал сетовать на то, что княгиня одна отправилась в чистое поле и подвергает себя опасности.

– Но отчего она так волнуется, ведь мы и без того раньше срока домой возвращаемся, – дивился он.

– Ей хочется узреть тебя живым и невредимым, чем же это плохо, как вспомнишь Анну Кашинку, как ждала она домой сначала мужа, а потом сыновей, а привозили только их мертвые тела, то, что говорить о наших женах, – отвечал ему Боброк.

Слова друга показались князю зловещими, он сурово взглянул на него. Но тот просто рассказывал о том, что происходило не так давно, уже в их бытность, хотя они тогда были малы совсем. Они поспешили к перекрестку, чтобы показать, что живы и невредимы.

Глава 21 Соперница

Дмитрий увидел жену и соскочил с коня и бросился к княгине.

– Ну и отчего ты тут одна, если я еще раз увижу такое безрассудство, прикажу запелить тебя. Сколько братьев и соседей хотят навредить мне и заставить заниматься не тем, чем должно, а если ты еще станешь им в том помогать? Не знаю, что тогда с тобой сделаю.

Но не было зла или ярости в его словах, он улыбался и обнимал ее. И княгиня гордилась тем, что она тут и за него волнуется. Жена Боброка спокойно дожидалась его дома, она не спешила в чистое поле.

Но счастливый князь даже не заметил фигуры, мелькнувшей в зарослях по соседству. Его встречала и бывшая возлюбленная.

Любава и сама не слышала и не понимала, как ноги привели ее сюда, что она тут могла делать. Но она все видела своими глазами и разрыдалась, не в силах сохранить спокойствие. Прежде с ней такого не случалось. И в тот миг, когда они стояли, обнявшись с князем, и тот упрекал жену за то, что она рисковала напрасно, на нее обрушилась дикая боль. Исчезла надежда на то, что все может перемениться. И ведь это значит, что если она помрет или что-то с ней приключится, Дмитрий не вернется к ней. И так тяжело было, что даже выть хотелось от бессилия. Но ничего такого делать она не стала. Хотя зачем было обманываться и надеяться на то, чего никогда не может быть. Ведь никто, ни дюжина воинов, ни сам князь даже не заметили ее. Хорошо, конечно, что они ее не разглядели. Но стало казаться, что ее вовсе нет в этом мире. Но если и дальше она будет для них невидимой, а это было так несправедливо. Хотелось выть и кричать. Но никто больше не сможет ее развеселить и сделать счастливой.

В тот день, бродя по лесу Любава решила, что она станет ведьмой, злой и беспощадной ко всем, кто отверг ее. Но это позднее, а пока у нее дела поважнее, ей надо другими вещами заняться.

Она еще не знала, что и как делать станет, но готова была отомстить всем, кто был против нее. Она превратит жизнь князя в ад. Вот если бы был хоть кто-то, кто поможет ей в том. Но у нее не оставалось ни одного друга, ни одного товарища, даже хорошего знакомого, чтобы что-то такое можно было сделать. Одиночество – это самое страшное наказание, оно способно привести в отчаяние и не давать больше покоя. Понимая, что у Дмитрия все получилось так, как он хотел. Словно озаренная молнией, она поняла, что должна отправиться к Михаилу. Он мог быть спасением для нее и оружием мести.

Самые черные и страшные призраки закопошились в ее душе и стали появляться на поверхности. А о Михаиле столько говорили, он так решительно действовал против Дмитрия, что только и мог ей сгодиться. Однако Любава не обольщалась, Михаил и без нее справится с князем, но в миг отчаянья. Но она хотела приложить к этому руку и знать, что отомстила. Только после этого она сможет жить. Путь до Твери не так уж долек, если тут ее никто не замечает, она отправится туда, и еще посмотрят и друзья и враги ее, на что она способна, что у нее получится.

Человек, которого князь сделал ничем, должен восстать из пепла, возродиться. Если не хотят, чтобы он творил добро, значит, он должен возродиться для зла. В том, что так будет, ведьма не сомневалась. Только бы не помереть по дороге. А если что и случится, то пусть после отмщения. Если она чего-то боялась, то богини смерти, которая может появиться у нее на пути.

В то время пока Любава мчалась в сторону Твери, радостная, что она, наконец, нашла себе дело, может самое важное в жизни, в то время Москва встречала своего князя. Он въехал в город вместе с княгиней, прихватив ее на своего коня, и так гордо и радостно ехали они к своему Кремлю, что даже те слуги верные, кто не жаловал их прежде, радовались вместе с остальными. Их главного храма вышел Митрополит вместе со своей свитой, он улыбнулся

всем многозначительно, приветствовал князя. Они все должны понять, как хорош Дмитрий, как много в жизни он может. Князь показал ему золотой ярлык и тихо сказал о том, что все планы осуществляться, они получают полки, Михаил должен ждать их нападения.

№№№№№№№№№№

Тверской князь тоже прекрасно это понимал. Он знал, что Дмитрий не оставит его без ответа, Перед его прибытием Любава сообщила об удачном походе Дмитрия в орду. О том, что Мамай все еще верит ему, и отдал ярлык во второй раз. Он только усмехнулся, когда она появилась на пороге его дворца.

– Можешь не называть себя, я знаю, кто ты – одна из его наложниц, брошенная после его женитьбы на Суздальской княжне.

Глава 22 Сговор

А потом князь услышал:

– Ты проникателен, словно ты ждал меня, – усмехнулась девица.

– Я всегда жду предательства от женщин. Среди них есть и великолепные. Княгиня Анна богиней была. Но большинство только и годны для предательства.

– Я могу уйти, и не о чем будет говорить.

– Ну почему же, оставайся пока, я должен тебя выслушать, недаром же ты такой долгий путь проделала?

– Недаром, – подтвердила Любава, – думаю, что мы на самом деле друг другу нужны.

Говорила она долго до самого обеда. Когда князю доложили о том, что его ждут, он только усмехнулся.

– Я не приглашаю тебя к столу ради твоего же блага, если найдутся там те, кто тебя знает, тебе же хуже будет. Но в комнате, для тебя отведенной ты получишь все, что требуется.

Он многозначительно улыбнулся, а потом удалился.

Трудно было понять, что он для себя решил. Как воспримет все о чем было сказано. Хотя хотелось верить, что он примет помощь от нее.

NoNoNoNoNo

Михаил уселся во главе стола рядом с княгиней, взглянувшей на него косо. Ей было известно, что он на глазах у всех уединился с девицей, как долго он был с ней там, что даже тупые служанки не сомневаются в том, чем он там с ней занимается.

Но сказать ему она ничего так и не смогла.

– Все женщины предательницы, а эта не лучше остальных.

Княгиня отвернулась. Она знала, что муж ее не доверяет женщинам и с ними не церемонится. И только теперь, когда ревность немного утихла, она поняла, что Московской княгине грозит беда. Это пожаловал кто-то из москвичек, как всегда коварных и беспринципных. От этого на душе стало совсем скверно.

– Не ходи против Дмитрия, я дурной сон видела, – тебе не сладить с ним, не сладить, в том нет сомнения.

Но говорила она это скорее для самоуспокоения. Князь Михаил ее не слушал, и слышать не собирался. Он как раз обдумывал то, о чем говорил с девицей (он так и не узнал, как ее зовут, да это ему было и неинтересно). Но он чувствовал, что она ждала от него ответа, и он должен что-то ответить.

Михаил понимал, что нужно делать – отправиться в орду и всеми правдами и неправдами получить ярлык на великое княжение. Но возможно ли это после союза с Ольгердом, что вообще в его власти, если бы это можно было знать заранее.

NoNoNoNoNo

Тем временем на площади Московский князь выслушал все радостные речи и приветствия, и объявил о том, что они должны идти против Михаила Тверского. Он тут же оглянулся на митрополита.

– Я знаю, что моему крестному и учителю не понравится, что я скажу, он всегда учил меня все решать миром, но не может быть никакого мира, мы против Твери стоим и никак не можем с ними договориться. Нам не удастся жить спокойно, все время обороняться придется. Не раз еще Ольгерд и те кто с ним к нам пожаловать могут. Но если еще и татары переменяются, то со всеми нам никак не сладить. Самое малое, с чем надо справиться – это Тверь.

Дмитрий вспомнил о недавнем времени, когда им вместе с митрополитом удалось заманить тверского князя в Москву на третейский суд, даже в темницу его отправить. Но пришли татарские посланники. Дмитрий понял, что голова мятежного князя не стоит того, чтобы

Татары раньше срока, а срок он хотел определять сам, шли против него и были в ярости от того, что он договоренности нарушил. Потому, как не противился этому митрополит, знавший, что если выпустят Михаила, то жертв будет значительно больше, как не хотелось ему, чтобы укрылся в подземелье князь навсегда от глаз их, а они о Твери хоть на какое – то время забыли, но Дмитрий приказал выпустить его и отправить подальше. Но не говорила ли ему ведьма во сне, что все зло возвращается, и ему такая темница будет светить, что Михаил свою темницу райским островом считать станет. А если зло возвращается, то не сможет он доказать, что хотел доброго, и ни о каком зле не помышлял даже.

Когда Михаила вывели за городские ворота и проводили чуть ли не половины пути, который ему пройти надо было, он немного успокоился и понял, что беда миновала. Михаил вернулся к себе цел и невредим, узнал, что татары ушли, а ему придется во второй раз в орду отправляться, заверять хана, что никакого злого умысла не было в душе его, это его подопечные постарались. Поверит ли ему Мамай, кто знает, но пока доверие оказывал.

Но придется ему теперь только градом своим заниматься, а не надеяться на Владимир.

– Никто из удельных князей не встанет на мою сторону, – думал Михаил, – они боятся Ольгерда, и союз с ним принесет больше, чем благосклонность Мамай. Остается верить только, что ему кроме Твери хватит других земель.

Он думал до самой глубокой ночи. А ему придется если не подчиниться, то сидеть и ждать, а потом снова выдавать себя жертвой. Пусть сам Дмитрий идет на него, он не даст ему повода для того, чтобы усомниться в себе, да и не так силен он, чтобы на верную гибель идти. А если выжил в темнице, то помереть на поле брани просто так он не собирался. А если действовать разумно, то и проклятые татары ему во многом могут помочь. Девица Дмитрий поможет ему действовать разумно.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Любава лежала в пустой постели, не смыкая глаз. Она ждала появления князя. Ей казалось, что тот должен появиться. Если он так труслив и не станет выступать против князя, то против такой девицы, как она, он все-таки что-то сможет предпринять. Она усмехнулась, представив, каким может оказаться этот бунтовщик в постели. Она смогла бы сравнить его с Дмитрием, посмотреть, кто из них лучше окажется. Бабка всегда говорила, что проверить мужчину можно только на ложе, там и добиться от него всего, чего только твоей душе угодно.

Завершилась трапеза, в гридне было тихо, слуги улеглись, а она все ждала и ждала его появления, и стала понимать, что ждала его напрасно. Потом и светать стало. Михаил так и не появился. В том, что он любил жену и был верен ей, она сомневалась, не из такого теста князь слеплен. В том, что у него есть наложница, не сомневалась, но тем более интересно эту ночку с кем-то другим провести. А может он и вовсе ни на что не годится? В том, что князь мог оказаться разборчив, и она не привлекала его совсем, она даже и не подумала. Она поднялась и отправилась на двор. Она вскочила на коня и решила, что не станет иметь дел с таким князем. Да и что за дела, если они не скреплены постелью. Не станет она ждать, пока он просто использует ее и выбросит.

Любава понимала, что ничего у нее не получается. Месть так и останется неосуществленной. А от этого было погано на душе. И хотя ослепительно светило солнце, ей показалось, что тьма сгущается, и лучше заблудиться в этой тьме.

Глава 23 На перепутье

Михаил отправил тайного посланника к Дмитрию, и велел говорить о том, что он сбежал от князя, предал всех, кого знал и любил. Потому тот стал говорить о союзе с московским князем.

– Ты должен убедить его в том, что все так и есть, наша Тверь окажется свободна, только если этот юнец поверит тебе. Если этого не случится – пиши пропало, – говорил он медленно и сердито.

До конца князь не мог доверять этому человеку, он и себе-то не всегда доверял, что о других говорить, но другого выхода у него не оставалось. Он оставался у себя и ждал. Хотелось понять, что ответит князь, к граду которого подходят то одни, то другие полки. Но если тот неожиданно выступит, то удержать его будет невозможно.

Но когда посланник уже исчез, князь взбесился, от мысли, что человек, недавно пленивший его, теперь готов на него обрушиться, будет выслушивать речи от предавшего его, пусть и мнимо, хотя все мнимое может отказаться реальным в один миг. Но разве он готов вступить в свою с тем, кто и жизнь его в грош не ставит. Он понимал своих предков, готовых скорее умереть, чем до такого дойти. А с другой стороны, пополнит он их ряды, может и святым его со временем сделают. Но это ему ничего не даст. Кроме бесславия и вечного позора. Но чем в таких тисках жить, лучше было вовсе не родиться. Был бы он пахарем, и трудился бы от рассвета до заката и горя не знал. А так что, снова плен или сражение. И люди его не сильно расстроятся, если заберут его в темницу. И возможно они даже ждут и не дождутся Дмитрия, который им больше пообещает, чем он сам. Да и Владимира он не покинет, а от них далеко будет, это тоже в его пользу играет, они получают большую волю. Всем хорошо, кроме него самого окажется.

Чем дальше думал о том князь, тем больше понимал, что мешает не только московскому князю, но и татарскому хану, и своим холопам мешает тоже. Такой вот жестокой оказалась и его судьба. Неприкаянность, грусть, одиночество – вот все, что в этом мире ему оставалось.

Почему – то вспомнилась усмешка Дмитрия, когда тот пожаловал к ним в Москву. Это была самодовольная усмешка победителя, от нее никуда не деться. И тот стоял бессильным и несчастным. Но ведь Москва – это то место, где был убит купец Кучка, и Юрий туда пришел, чтобы расправиться с ним, и земли для нового града забрать, это место было полито кровью, а потому проклято. Если Москва возвысится над всеми древними городами, как ей того прощают, то не пережить им всем такого кошмара. Навсегда Окаянным останется этот князь. Так видел грядущее князь Михаил. Не то, чтобы ему этого хотелось, но он знал, что так будет. Потому ни Ростов, ни Тверь, ни другие древние и крупные княжества, даже ни Владимир сам не должны подчиняться Москве, они будут стоять до последнего. Ведь худшую судьбу они выбрать не смогут.

Михаил решил действовать. Как бы хороши не были его помыслы, пока они не подкреплены делами, он не может останавливаться. Взор его был направлен к вечному противнику сначала Киева, потом Москвы – Рязанскому князю – кажется, все его предки появлялись в этом мире исключительно для того, чтобы противостоять столичным князьям. Может быть потому Батый, который лучше всех знал русичей, пошел первым делом на Рязань, и спалил город дотла. Вот и ему следовало бы туда сначала отправиться.

Но предположить не мог Михаил, что в отличие от своего предшественника, и Мамай свой взор обратил к Олегу Рязанскому после долгих колебаний и выбора. Он плохо знал русских князей. Он считал, что должен взять в союзники Олега Рязанского.

Князь тот пока молчал, он очень удивился, когда к нему пожаловали посланцы от Тверского князя и от самого Мамаю почти одновременно. Ему оставалось только постараться угадать, что надо и тем, и другим, и кому из них следовало больше доверять.

Пока князь Олег думал и гадал, но так ничего придумать и не смог, ждал он знака, но не было видений и предчувствий. И советников хороших тоже не было.

Глава 24 Подвиг Боброка

После своей пламенной речи Дмитрий удалился в Боброком. Тот в последнее время был с ним повсюду, считался его первым советником. Он знал, что тот вряд ли будет доволен тем, что услышал, и с ним и с митрополитом надо будет поговорить отдельно.

Митрополит, как донесли Дмитрию, успел услышать перебежчика от тверского князя, порадовался, что тот кажется, собирается все уладить мирным путем. Об этом он начал разговаривать с князем.

– Я не верю этому, – отрезал Дмитрий, – он только тянет время, но тот, который в наших застенках сидел, и смерти в глаза смотрел, таковы как он все тверские князья, он ни за что не согласится быть с нами в союзе. Думаешь, если была бы надежда на это, то я бы отказался? Но не стоит надеяться напрасно, ничего такого не будет. Мы должны загнать его в угол, и показать, что мы не только пугать умеем.

Митрополит и сам знал, что князь прав. Только никак не решался он в том признаться. Он может брать в руки оружие и идти на врага своего. Возможно это последнее сражение, а после разгрома Мамаю, никому и драться не придется, только это могло его немного утешить. Да слабым казалось утешение, разве дети Дмитрия и дети Михаила смогут, когда примириться? Значит один из городов, конечно, он думал о Твери, а не о Москве, придется сметать с лица земли, чтобы следа от него не осталось. Вот на том и закончился разговор с князем. Тишина казалась гробовой. И нужно принимать какое-то решение. Если они отступят, поверят, будут ждать невесть чего, значит все и закончится ничем, почему митрополит не понимает этого, отчего он так напряженно молчит.

Дмитрий вовсе не был уверен в своей правоте, но отступать он тоже не собирался.. Он готов был идти до конца, потом признать свои ошибки, но не бросить все, что замыслил сотворить.

Олег вышел к нему навстречу, как только они отправились в поход. Как странно, он даже забыл о мятежном городе, не воспринял его серьезно, но рязанский князь ему о том напомнил. Меч придется обнажать даже раньше, чем ему того хотелось. И к этому он должен быть готовым..

NoNoNoNoNoNoNoNo

Дмитрий взглянул на Боброка и его воинов. Одного взгляда было достаточно. Они прекрасно понимали друг друга и сами отправились в сражение. Дмитрий смотрел за этим сражением, если бы понадобилась его помощь, то он обрушился бы на рязанцев, не раздумывая, но Боброк справился и без него.

Олег сражался отчаянно, но он скоро дрогнул, даже скорее, чем можно было надеяться. Потом воины отступили. Михаилу вскоре сообщили о схватке. Пусть не надеется, что сможет победить чужими руками.

Олегу же надо было увести своих воинов, чтобы сохранить их. Он не собирался терять дружину из-за тверского князя. Надо было отходить и оставлять их одних. Но Олег не мог ожидать того, что Дмитрий окажется так силен, и это при том, что это был только один отряд из его дружины. А если бы к ним вышли все воины? Страшно даже подумать, что было бы тогда. Но ни о чем таком рассказывать Михаилу он не собирался. Пусть тот все на своем горбу узнает.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Олег догадывался, что и Мамай следит за ним с особым рвением. От этого ему стало немного жутко. Этот хан может поступить, как ему вздумается. А что происходит с холопом, который не оправдал ханских надежд? Скорее всего, от него избавятся, забыв о нем в тот же момент, но скорее всего его просто уничтожат. Но если он хочет жить дальше, то может забыть

о своих повелителях, готовиться обороняться. Учув в нем противника, Дмитрий ни за что на свете не оставит его в живых.

В то время князь вместе с верным Боброком, похоронив убитых и забрав раненных, сидели у костра и тихо разговаривали.

– Олег достоин своих воинственных предков, и нам о том нельзя забывать.

– Мы хорошо его потрепали, вряд ли он скоро на нас обрушится.

– Не стоит доверять раненному, да еще и обиженному князю, опомнится он скоро, вот тогда и начнет мстить. Михаил в ярости, но это его заботы. Нам надо думать о большем. Я так зол на братьев и родичей, ведь они совсем мне не помогают, стали хуже врагов лютых.

– Это длится больно долго, митрополит прав. Слово родственник у него как слово противник, мы не можем доверять. Надо заканчивать все это да переходить к настоящим врагам, жизнь и так больно коротка. Люди не понимают, почему они должны против Рязани идти, чем неуютны московским рязанские, а сражаться они станут, когда поймут это.

Ничего не ответил Дмитрий, он и сам понимал, что трудно объяснить, почему убивают брат брата, зачем нынче им отправляться в поход, а не оставаться дома.

Он тут же вспомнил о княгине, как она тосковала и ждала его из таких вот походов. Ведь и ему лучше было дома оставаться, чем тут. Был бы он самым мирным, строил храмы, как князь Андрей, прозванный Боголюбским.

– Не княжеское это дело, – прозвучал голос рядом.

Он пристально взглянул на Боброка. Тот сидел с плотно сжатыми губами и голоса этого наверняка не слышал, да и не мог ему такой голос принадлежать.

– Нормальный голос, не хуже других будет, и тебе не стоит обольщаться, не будешь ты сидеть дома и княгиню обнимать, больно много дел предшественники тебе оставили.

А потом голос пропал, словно его и не было вовсе. Но разве может голос без человека оставаться? Без человека, конечно, не может, но если это появился какой-то дух. Может Леший с ним поговорить захотел или кто-то еще. Но Дмитрий отогнал от себя такие мысли. Митрополит советовал перекреститься, но он креститься не стал, не собирался показывать незримому собеседнику, что он испугался. Даже наоборот, часто он был не прочь послушать того, кто мог бы сказать что-то подобное. Значит, вера его не так прочна, или он может рисковать многим, связываясь с таким советчиком?

Глава 25 Осложнения

А между тем Мамай ярился. Он прекрасно чувствовал, что поставил не на того. Если поверить тому, что он услышал, то понятно, что именно с князем Дмитрием мало кто справиться может. А те, на кого он надеялся, должны были отступить. А когда Дмитрий пойдет против него, то придется ему ответить за все слабости и ошибки. !!!

Как лютый зверь, загнанный в угол, он чувствовал, что у него еще осталось какое-то время на то, чтобы все переменить. Но времени этого было слишком мало. Значит надо все собрать и бросить против него со всей своей силой, которая осталась. Но для начала другому князю следует ярлык отдать. Только вот кому? Проигравшему Олегу, конечно, это станет ему утешением, только слишком много чести для Олега. Ростовский князь молчит, Киевский говорить не хочет, он уже давно вне игры. Остается только Михаил. И как не хотелось ему этого признавать, кроме Михаила опираться ему было не на кого, но признать это все равно придется рано или поздно.

– Мамай вряд ли тобой доволен останется, – говорил в это время Дмитрию Боброк, – кто же полюбит таких сильных вассалов.

– А что мне на него смотреть, рад не рад, как будет, так и будет, – отвечал Дмитрий, понимая, что забот у него прибавится наверняка.

– Надо что-то решать?

– Снова в орду, – спросил устало Дмитрий.

– Нет, во Владимир едем, наверняка туда нагрянет кто-то из новых Мамаевых избранников, нам надо быть дома, раз уж так все вышло. Придет он с ярлыком ханским и тебе придется его встретить, – размышлял Боброк.

Вот и придется думать, как же им всем быть дальше.

Дмитрий понял, что одно только это ему и остается в этой жизни. Он помнил, как прогнали Михаила из Новгорода. Владимирцы наоборот к нему хорошо относились, значит он был опасен. Вероятно, он и зайвится к нему в гости. Но такой гость точно хуже татарина любого будет.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Михаил к тому времени уже был в орде, поспешил получить ханский ярлык. Ему надо было еще раз изменить свое положение, а то и просто уцелеть в этом суровом мире. Он точно знал, что Мамай опасается Дмитрия, особенно теперь. Это последняя возможность как-то уладить свои дела, которые такими плачевными кажутся. И показалось князю, что тени его убитых предков встали молча по обе стороны той дороги, по которой он шел. Как же страшно было все это пережить и пройти. Он должен был пройти, не смалодушничать. Дорого ему обойдется такое малодушие.

Мамай слышал его молча. Может с кем-то он и был ласков, тверскому князю ласки его не досталось. Но он не хотел ничего такого, главное ведь не в словах и не в улыбках даже, а в том, что потом последует. Наверное, он сладко улыбнулся, когда приказал Дмитрию дать ярлык, а вот теперь уже недоволен им.

– Я не доволен Дмитрием, – произнес он величественно, будто бы угадывая его слова. Ты должен взять ярлык на княжение, отправиться в столицу вашу, во Владимир и править там. Если наведешь порядок, и все иначе будет, значит, навсегда там и останешься, но для этого ты должен очень постараться.

Михаил кивнул. Он пробормотал какие-то слова благодарности, заверил, что будет стараться все сделать самым лучшим образом. Но как жег золотой ярлык ладонь. Он, кажется, прирос к нему. Князю показалось, что если он и захочет, то не сможет оторвать его от руки. Он врос в кожу, и непонятно, что еще принесет, почести или позор. Михаил привык к неудачам,

и не особенно обольщался. Он хорошо помнил, что всякое может случиться. Ему не приходилось радоваться тому, что всякое может быть в этом мире.

Мамай пригласил его на пиршество. Но он отклонил приглашение, на что-то сославшись. Ему надо было торопиться во Владимир, потому что Дмитрий пропадал в Москве, а в столицы были дела запущены.

– Если ты собираешься работать, хорошо, пусть так и будет, – согласился хан. Гость ему был неприятен, и он едва сдерживался, чтобы не отправить его подальше, не обрушиться на него. Дмитрий вот казался таким симпатичным, и что из этого вышло?

Часть 2 На пороге дня

Глава 1 Во Владимире

Дмитрий появился во Владимире в тот день, когда его счастливый соперник выехал из орды, получив ярлык на княжение. Он направился к себе в Тверь, а потом в славный град, который несколько последних столетий уже считался столицей земли русской.

Дмитрий упрекал себя за то, что не часто появлялся в столице, ему дарованной. Не удивился бы, если бы люди забыли его, но они хорошо помнили. Все знали даже о последней схватке его с Олегом Рязанским. Он слишком часто появлялся в последние часы перед боярами и простыми смертными, немного успокоился только тогда, когда понял, что они на его стороне, поддержат его, даже если князь явится с ярлыком на княжение.

– Я знаю Мамая, знаю, как непрочно сидит он на столе своем, он не пойдет против вас, даже если будет нарушена его воля. Он выбрал тверского князя потому, что тот не так силен. Мы не должны допустить его в столицу, если он верным холопом оставаться в орде не желает. Может при Батые и еще раньше и была она могущественной, но ничего от этого могущества не осталось больше, и нам тоже нечего бояться.

Москва защищена и Владимир защищен достаточно, чтобы татарский натиск выстоять. Мы другие, по иному действовать должны. Так говорил князь, готовый встретить своего соперника во всеоружии. Почти уверен был в том Дмитрий, что в этот раз за меч ему братья не придется, Михаил не сможет против него двинуть свою дружину. И хотя какие-то опасения за татар в душе его все-таки оставались, но что-то ему подсказывало, что опасения эти напрасны.

В Твери лишь несколько слов сказав боярам, узнал Михаил, что нет Дмитрия в его Москве, после схватки с Олегом тот сразу во Владимир отправился. Все ему ведомо, все он предусмотреть может, – усмехнулся тот, – но ярлык у меня. Я не дам ему спуска в этот раз. Он спешил часть воинства своего оставить там, а часть сможет набрать во Владимире, город оставался верен ему и хану. А то, что таких будет большинство, сомнений не было.

Вместе с ханским мурзой въехал во Владимир Михаил. Город встретил его молчаливым ожиданием. Они смотрели и старались понять, что будет, на чьей стороне настоящая сила? Кто окажется победителем в

Этом споре, длившемся так долго.

Дмитрию сообщили о вторжении, он решил встретить захватчиков в княжеских палатах. Как только они добрались до дворца, спокойно в своей багрянице он появился на крыльце.

Мурза внимательно наблюдал за происходящим. Он уже хорошо изучил сурового, молчаливого и упрямого Михаила, а когда взглянул на Дмитрия, тот показался ему юным, слабым и каким-то простоватым. Наверное, победить его будет не так трудно. Сказал о том, что первым получил ярлык он. Парень пошел на них прямо и твердо, заявил, что им придется убраться отсюда.

Такой дерзости татарин не слышал никогда прежде, терпеть такого обращения он не собирался, да еще от того, кто отторгнут был ханом. Он понял, что так напугало Мамая – парень оказался яростным и неуправляемым. Его внешность оказалась обманчивой.

Михаил чувствовал, что наступил ответственный момент, подал знак своим людям, и они двинулись к палатам, готовы были применить силу, словно воплотились из ничего. Со всех сторон к ним двигались люди Дмитрия. Схватка, которая должна была состояться через миг единый, была остановлена. На площади перед палатами, словно по команде, стали собираться люди. Почти весь Владимир ждал знака, и готов был ринуться туда, куда отправят его воины

– Что они хотят этим сказать?

Михаил вспомнил сцену из Новгорода, когда он был отторгнут толпой. Дмитрий тоже ведал о том, что там произошло. Неужели он собирается все повторить? Этого еще не хватало. Как – то до сих пор он о том даже не думал, но теперь это казалось делом реальным и решенным.

Михаил приказал своим воинам остановиться. Эти люди не должны видеть насилия с его стороны, он постарается им все объяснить. Наученный горьким опытом, он понимал, что нельзя настраивать против себя тех, кто собрался управлять, тогда ни один Мамай, да и сам господь бог не сможет тебе уже помочь. Михаил решил обратиться к ним с речью, показал им татарского мурзу в доказательство того, что он великий князь Владимирский.

– Такова воля хана, – говорил он сердито и торжественно.

– Воля хана была сделать Дмитрия великим князем, мы присягнули ему и присягу менять не собираемся. Что же это за клятва будет такая, если ее так легко можно нарушить?

Михаил ждал. Он еще не верил в этот молчаливый бунт, был уверен, что это только один голос, остальные с ним согласны.

– Пусть останутся те, кто не давал такой клятвы, – крикнуло он, – решив, что уйдут немногие. Но толпа стала рассеиваться, они казались такими спокойными, такими безобидными, а что творили.

Во второй раз повторяется проклятие, как же с этим жить и как бороться. Мурза приказал привести к нему Дмитрия. Князь представал вместе с Боброком и свитой. Кажется, и умереть они за него были готовы.

– Ты не собираешься подчиниться хану?

– Отчего же, я подчинился хану, когда он мне отдавал эти земли. Откуда мне знать, что вы с Михаилом волю хана исполняете? Я не верю в то, что это он дал вам свой ярлык на княжение, а не получили ли вы его обманом, я же его из рук самого Мамаю получил, пусть он мне сам скажет, что устранил меня и чем я ему негоден стал.

– Ты хочешь схватки с нами?

– Я хочу справедливости, если ради этого надо меч обнажить, я готов это сделать, – так странно и так грозно прозвучал голос его, что мурза не решился что-то ответить. Твердости этого мальчишки и камни могли позавидовать. Никто в этом мире не сможет с ним поспорить.

В том мурза не сомневался. Им оставалось только развернуться и отправиться прочь. О чем еще было им говорить? Но такая дерзость в татарские времена встречалась впервые, понятно, что за ней что-то скрывалось.

– Михаил слишком слаб, чтобы на него можно было опереться, – говорил Мурза Мамаю, как только описал все, что случилось во Владимире. Он ничего не мог поделать, а этот другой ничего не собирался слушать, он меня обвинял в воровстве и нагло заявил о том, что не верит в то, что этот ярлык князю ты сам мне дал, мол, мы его обманываем..

Хотя это казалось немного странным, но Мамай ожидал чего-то подобного. Ему хотелось взглянуть на то, как это будет, узнать слабые места Дмитрия.

– Значит князь хотя и молод, но хитер, он умеет выкручиваться в трудных ситуациях и выходить сухим из воды. Его не так просто будет взять. Но он знает, что я им недоволен, положение его не так прочно, как кажется.

Только зря уговаривал себя Мамай. Он должен был знать, что задуманное им провалилось. Дмитрий больше не станет ему подчиняться. В следующий раз надо быть осторожным, черт с ним с Михаилом, пусть он убирается, куда вздумает. Это он сам позволил вырасти и пойти против него парню, вот и пусть на это расплачивается. Он давно должен был поставить парня на место, а теперь пусть за все расплачивается сам

NoNoNoNoNoNoNoNo

Владимирцы лукавили, они понимали, что и против татар можно стоять насмерть. Хотя последнего им вовсе не хотелось. Но и каждая маленькая победа казалась огромной. Они сбросили с себя проклятых татар, князь Дмитрий помог им в этом, а они помогли ему удержаться в те дни.

Глава 2 Угроза Рязани

Татары не появились. Можно было подумать, что Мамай забыл эту обиду. И не только подданным, но и самому князю казалось, что это и есть его победа. И не такая уж она маленькая, как казалось сначала. Сам митрополит пожаловал во Владимир, ему хотелось посмотреть на этих людей и отслужить службу. Он чувствовал тот прилив радости и гордости и должен был показать и татарам и русским князьям, на чьей он стороне стоит, где его храм, и где его мир.

№№№№№

Мамай медлил дольше, чем было нужно. Но он решил показать свою мощь Владимиру и его строптивому князю. С Михаилом вместе или без него, но он покажет, кто у кого и что украл, кто кому подчиняться должен.. Все его войска были подняты на ноги, и чувствовал он себя Батыем, а может и Чингисханом самим. А тот, подобно русскому богатырю копил и хранил свои силы для того, чтобы со всей мощью обрушится и оказаться в самой гуще сражения. Никто тогда больше против него не пойдет, не посмеет свергнуть и оставаться у власти, когда он сказал свое веское слово. И снова, как и в старые времена, на пути его оказалась Рязань. С Олега несчастного, уже битого Дмитрием и Мамай решил начать. Неслучайно ему нужна была победа, сокрушительная битва. И Дмитрий показал ему, где и как такую победу можно добыть.

№№№№№№№№

Мамай пошел к Рязани. Может он хотел наказать Олега, а возможно оттуда легче было до Москвы добраться. Но впервые люди могли представить себе, как все было в старину, а сами не только гари и копотыдохнули, но и почувствовали на своей шкуре, как это и когда бывало. Затрепетали они, поняли, что татары могут быть не так сильны, но еще много чего могут, скорее всего, этот самозванец, который не был рожден ханом, а только пытался им стать, повторит Батыевы кошмары. Ему еще доказать нужно, что он на многое годится.

Мрачный и воинственный князь Дмитрий в своей Москве слушал рассказ о походе Мамаю на Рязань. Что-то заставило его повернуть голову к княгине. Он узрел, как затрепетала Евдокия, какой несчастной и одинокой она ему показалась в тот момент, словно какая-то жуткая сила подкосила ее. А ведь когда Ольгерд у них под стенами Кремля стоял, она была спокойна и мужественна, многие мужи могли ей позавидовать. И все потому, что литвины были там своими, что плен их не так страшен оказался. Разве за эти годы они не привыкли быть пленниками родных и двоюродных братьев, да и у собственных мужей все время оставались в плену. А татары оставались противными, непонятными, чужими. Беда, шедшая от них, тот огонь, который они разбрасывали, казался магическим кошмаром, от которого невозможно было спастись.

Что-то в сознании Дмитрия перевернулось, он понимал, что Мамай его собирается устроить, не Олег Рязанский ему нужен, а именно Дмитрий. Тогда он и понял, что надо подниматься, только так и можно достойно и по-настоящему ответить. Если они во Владимире перед Мурзой не прогнулись, первый шаг сделали, то теперь не могут и не должны отступать. Не будет такого никогда.

Боброк и митрополит появились по первому зову. Тогда, прежде чем о чем-то сказать, он повернулся к жене, и кажется, говорил для нее, а не для них:

— Я должен выйти к Коломне.

Воцарилась тишина, ее можно было назвать мертвой. Слышно было, как тяжело вздохнула княгиня. Но Боброк уже заговорил о чем-то, они поддержали его и стали говорить о том, что Мамай должен получить отпор, чем быстрее такое случится, тем лучше. Да и не могут они сидеть, сложа руки, когда уже так много сделано.

– Ничего с нами не случится теперь. А митрополит и княгиня пусть хорошенько помолятся за нас. Мамай получит все, что ему полагается, предки наши нам помогут, думаю, что они давно ждут решительного шага.

№№№№№№№№№№

Воинство собралось быстро, казалось, что подготовлено оно было заранее. Мамай направился к Москве – он хотел ударить Дмитрия в самое его сердце, а уж потом к Владимиру двигаться. Хан считал Владимир все еще его градом. Он стоял несколько дней, но в последний миг так и не решился выступить против русичей. Когда русичи поднялись после сражения, татар там не оказалось.

Дмитрий бросился к своим воеводам. Все наслышаны были о татарских хитростях. Но вряд ли Мамай решится прятаться, слишком большим было его войско, а сам воитель так непопулярен среди своих. И сотники его называли это великой трусостью. Еще целый день с воинством простоял Дмитрий, а потом повернулся к себе. Ему в тот момент показалось, что все он делает правильно, нет такой силы, которая окажется сильнее его самого.

– Не гордись и не задавайся, – размышлял он в последний момент, – подножку могут подставить в последний момент, когда ты станешь праздновать победу. Мало ли кто из победителей уже на пиру отраву выпивали.

Он спросил у митрополита о Любаве, тот должен был ему сказать, что она куда-то бесследно исчезла, но потом внезапно вернулась назад.

– Следи за ней. Даже когда все тихо, мы не должны выпускать ее из вида, она не может вольно ходить там, где вздумается.

Но тот и сам прекрасно понимал, только много дел было у него в последнее время, не везде он мог успевать.

№№№№№№№№№№

Когда возвращались, у кремлёвских стен, он не узрел княгини и расстроился, но потом узнал, что у него родился сын. Так что отступление Мамай было потом связано в воспоминаниях с рождением сына. Они называли его Федором. И он благодарил княгиню за то, что у него появились наследники как раз в то время —не раньше и не позднее. Он успеет их всему научить и будет кому оставить свой трон.

Глава 3 Разгром

И был победный пир. Правда, победа сама казалась какой-то обманчивой, не была понятна до конца. И все-таки Дмитрий хотел приучить своих воинов к победам. Слишком долго они не знали ничего такого, им нужно было вселить веру в свои силы. Никто не смог бы противиться этому.

В тот миг бес, за всем следивший, вдруг понял, что до сих пор он допускал оплошности. Одному все победы адресуя, а второму только поражения. Второй стал немощным и хлипким, а о первом и говорить нечего. Он ощутил, что главное в этот день дать Дмитрию почувствовать кошмар поражения. Только тот, кто испытал и пережил это, может потом говорить о каких-то победах, так можно закалить волю. А когда он проигрывает в решающей битве, выиграв те, которые были прежде, разве это допустимо с его стороны?

Случай ему представился через пять лет, когда дружина Дмитрия была сильна, как никогда, ничто не предвещало беды. Он узнал, что Новгород, град, на который он и прежде обращал внимание, оказался пред его взором. И надо было спасти новгородцев, для того, чтобы показать Мамаю, насколько он теперь силен – двигаться пришлось наперерез царевичу Арапше. И был он разгромлен быстро, даже не почувствовав того.

Дмитрий даже оторопел, когда увидел раненого Боброка, а сам вступил в сражение с такой яростью, но был легко ранен – татары вроде не собирались его пока убивать, а может, не смогли этого сделать. Но странно бледный Боброк, потребовал, чтобы его отпустили, так как не имело больше смысла терять воинов – они проиграли, в том не было сомнения.

На усталого и измученного Дмитрия страшно было смотреть. На его лице значилась скорбь и тоска. Каждую минуту он только и повторял:

– Этого не может быть.

– Они могут быть сильны, когда захотят, – усмехнулся Боброк. Он убедился, что ранение было не опасным, хотя крови он потерял много, пока его судьба сохранила, словно он был уготовлен для важных дел.

И ни один воин, выходящий из сражения живым, не знал, хорошо или плохо то, что ему была сохранена жизнь. На радость ли это или для больших испытаний.

Но Боброк радовался, ему вовсе не хотелось в те дни покидать этот мир, Москву и возлюбленную. А еще больше ему хотелось оставаться с князем Дмитрием. Он во всем доверял князю, тот позволял ему чувствовать, что он первый и самый главный. И спокойствию его можно было позавидовать. Таким он навсегда и останется. А ведь Боброк, росший рядом с ним, всегда знал, что у него вовсе не было детства, и с самых ранних пор он уже знал такое, что скрывали и от старших сыновей. Можно представить, что ждет его дальше. От шока князь опомнился быстро, он представил себе Михаила, не раз уже проигравшего, а князь Игорь, когда-то даже в плен попавший, тоже стоял перед глазами.

Одно поражение ничего не значит, это только опыт и урок, из которого пора сделать верный вывод. Вот только княгиня не сильно расстроилась, до нее дошли тревожные вести. Он отправил в Москву гонца, чтобы сказать ей обо всем. Вот и не волновалась она, зная, что узнать и услышать может.

Князь просто старался немного отсрочить свое возвращение в Москву и Владимир. Бес внимательно за ним наблюдал. Выглядел он прилично, никто не сможет упрекнуть его в том, что он подавлен, что рассудок перестал его слушаться. Значит, не только победы могут его волновать, но и поражения для него не страшны.

– Обойдется, – усмехнулся он и стал размышлять о том, что когда победа – это победа, а когда она больше похожа на поражение, и отличить их друг от друга невозможно.

Если ты победил, но от дружины ничего не осталось, если ты торжествуешь, а враг наступил и разгромил тебя, то как же с этим быть?

Долго и мучительно думал он о происходящем. Но никто больше ничего ему не поведал. Он понял, что не стоит делить шкуру неубитого медведя.

– Ты привык побеждать, одно поражение ничего не значит, оно может быть полезно, – отвечал Боброк. Князь хотел понять, просто ли тот его утешает или так и считает. Но это оказалось почти невозможным.

– Татары не так слабы. Ведь и русичи, почти раздавленные и уничтоженные, и тут и там оказывали сопротивление.

Но Дмитрий чувствовал, что он должен действовать стремительнее, нельзя позволять Мамаю опережать себя, хан хочет повторить подвиг своих предков, и сможет это сделать, тогда им придется туго, никто тогда не справится с ним. Еще две сотни лет рабства уничтожат славян окончательно. Так стоило наказывать строптивых князей. А их народ достоин лучшей участи, вот и надо быть решительней и жестче..

Так он размышлял, пока предавали земле прах убитых.

Чтобы укрепить дружину, князю надо было несколько лет, но у него не было этих лет в запасе. Надо убедить союзников присоединиться к ним, умножили силы, только так можно было ничего не знавшего Мамаю отправить к праотцам в рай или ад. Кто знает, что там будет на самом деле, на том свете, куда все они должны были отправиться.

Как ни странно, но в тот момент Дмитрий подумал ни о митрополите, который ждал его в Москве, а об отце Сергии, благословившем его на новый поход. Была в нем какая-то невероятная сила, способная многое в мире переменить. Странно, но ведь он не знал этого человека. Но то, что он появился во времена Дмитрия – в этом было что-то важное и главное. Он понимал, что они до конца будут прочно связаны друг с другом. И князь чувствовал эту дивную связь.

Глава 4 Подготовка к броску

На рассвете князь Дмитрий поднялся спокойным и отдохнувшим. Сил у него только прибавилось за бессонную ночь. Он сразу готов был двинуться в путь. Переживал и грустил князь только об убитых в этой схватке, придется объяснять женам и матерям, что же с ними такое приключилось. Жаль, что появилось столько новых сирот в этом мире. Но надо было двигаться дальше, и что-то еще делать. В то самое время Мамай возможно впервые за все время был доволен тем, что творилось вокруг, Дмитрий получил достойный отпор и больше не станет вмешиваться, и нос задирать. Он показал Дмитрию, как воюют татары, какая это грозная сила. Пусть сидит за стенами своей Москвы, и забудет о том, что творится вокруг.

Мамай, окрыленный победой, и не думал о том, как трудно разгадать русских. Ведь они способны подняться только тогда, когда побеждены и казалось бы сломлены, но это только кажется.

Вдохновляет властелина первая победа, и в тот момент он не думает, что она может закончиться страшным поражением. В такие дни и часы властелин особенно уязвим. Для начала Мамаю нужно было взять Рязань – этого ему хотелось больше всего. А Дмитрий, несмотря на разногласия с Олегом, обрушился на них с новой силой, он мстил за себя и за всех, кто не мог уже отомстить сам. И верной оказалась пословица о том, что от поражения до победы всего один шаг – никто и ничто больше не сдерживало князя. Олег Рязанский вышел к нему навстречу, должен был рассыпаться в благодарности, но видя, насколько смущен и растерян Дмитрий, остановил его.

– Подожди, – усмехнулся он, – мне не нужны твои благодарности, нам только кажется, что мы враги, а у нас общее дело, и ненавистный Мамай наш общий враг, мы должны вместе действовать против него. Только когда он разбит будет, тогда мы и сможем спокойно вздохнуть, а потом и свое делить начнем.

Обиднее всего, что вы это не понимаете, с чертом рогатым вроде Ольгерда союз заключить решили, только лишь бы с братьями своими заодно быть. Вот потому все так и происходит.

Олег согласился с ним, но остальные молчали. Да и о чем еще ему было говорить? Он радовался тому, что град его на этот раз остался цел, разве мог он не благодарить Дмитрия.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Евдокия с улыбкой встретила известие о его победе, и обняла милых сыновей. Она еще не успела привыкнуть к тому, что муж ее проигрывает, и вот теперь все оказалось таким прекрасным.

Пристальнее взглянула княгиня на свое отражение, показалась себе старой и усталой женщиной. Разве такой должна быть жена победителя? Разве обрадуется такой муж? От служанок она потребовала самых лучших нарядов, и только когда была одела прилично, успокоилась немного. Она теперь вспоминала, как ждала его и радовалась его появлению в первые годы их жизни. Нет, он должен полюбить ее так, как любил прежде.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Напрасно Любава говорила своим подругам о том, что княгиня в последнее время сильно сдала и сама на себя не стала похожа.

Конечно, после рождения детей, да после того, когда она только молилась и скиталась из одного града в другой да на дорогу бегала, разве могла она так сохранить свою молодость? Но каково же было ее удивление, когда она увидела всадницу на рыжем жеребце. Какой она была яркой и прекрасной, казалось, что пришла из другого мира. Только внимательно приглядевшись, стало понятно, что это княгиня Евдокия.

– Не может быть, этого просто не может быть, – говорила Любава, глядя на свою соперницу.

Она готова была взорваться от ярости и раздражения. Она чувствовала, что ей страшно не везет в этой жизни. Как часто бывало, что в тот момент, когда казалось, что все идет так как хочется, все переворачивалось с ног на голову, и она снова не получала то, чего хотела, о чем мечтала. Так и с князем, увидев всадницу, она поняла, что никогда не получит Дмитрия в свои объятия.

Конечно, можно было подсыпать порошку сопернице, но княгиня даже не думала о таком исходе. Ведь все это проделав она расчистит дорогу кому-то другому. Дмитрий все равно не вернется к ней, теперь он женится на молодой девице из соседнего княжества, потому что так будет выгодно для него, и он должен думать о власти, а не об утехах. Несчастливая и одинокая, она не нужна больше ему, никогда не пригодится, даже о захудалом женихе, не то, что о князе не стоит ей думать.

Но почему же в этой жизни ей было так мало дано? Только во сне князь на белом коне врывался в ее сны и мечтания. Он говорил, что любит ее, никто другой ему не нужен, он навсегда готов с ней оставаться. Это был такой прекрасный сон, что ей вовсе не хотелось просыпаться.

Глава 5 Княгиня

Не просто так во все лучшее обрядилась княгиня, она ждала своего мужа, не ведала, что только к вечеру появится он вместе с дружиной своей. А ей еще нужно было побывать у отца Сергия. Она столько слышала об этом человеке, об обители его, но никогда прежде не видела. И словно у древних волхвов та обитель была в чаще лесной. Вот туда она и пробиралась, чтобы поговорить с этим человеком. Она и слова не сказала митрополиту, когда к старцу отправилась. Хотя и не понимала, почему должна была что-то таить от него.

Но когда решение было принято, она показала себе могущественной, никакая сила не могла поколебать ее в тот момент. Только теперь поняла она, отчего так вела себя Ольга в свое время, как чувствовала себя Ефросинья Ярославна – дочь Галицкого князя, жена несчастного князя Игоря, почему она оказалась на такой высоте, которая недоступна была никому из иных жен.

– Не только я должна гордиться своим мужем, – размышляла княгиня, но и он будет мной доволен.

Она верила старцу безгранично. И когда узрела его, то заметила улыбку на его лице. И только потом она убедилась, что перед ней еще довольно молодой человек, хотя речь и неторопливые движения делали его походим на старика.

Сколько времени нарядная, вдохновенная, стояла она перед ним и смотрела на человека в рубище, никогда бы такую рясу не надели на себя ее священники, и все же он не только этим от них отличался. Кажется, он обрадовался ее появлению. Наверное, если бы он не захотел с ней встречаться, то так бы сразу и сказал. Ведал он и о том, кто она такая, и сказал, что прежде такой славной княгини не знал.

– Ты дивишься тому, как живу я, – услышала княгиня, – только не так много и надо тому, кто богу своему служит. Воля вольная от всех столиц наших, лес дремучий, чтобы мало кому захотелось явиться сюда, чтобы никто не стоял над ним, не принуждал к совсем иным делам.

– Но разве в мире среди людей бывает такое?

– А почему нет, издревле так было, не до конца еще прошел я этот путь, но понял давно, что лучше черный хлеб и свобода, чем клетка золотая да белые пироги. Жизнь и так быстро проходит, а в суете и не заметишь вовсе, как нет ее больше.

– Может и так, правда твоя, но ведь мы уходим и снова ворочаемся назад.

– А вот когда воротимся, там и видно будет, что дальше делать, только пока надо в этой что-то поспеть.

Как долго они говорили, княгиня вовсе не хотела уходить из этого довольно пустого места.

– Тебе надо идти, – услышала она голос отца Сергия, – не навлекай на себя гнев твоего митрополита, да и муж твой скоро воротится, пусть они будут спокойны, потому что много у них забот иных.

Она молча взглянула на него, и прибавил добродушно Сергий:

– Приходи сюда, когда вздумается, но возвращайся туда, где быть тебе должно.

Он вспомнил невольно о том, как взрослые и выносливые мужи, пришедшие с ним когда-то сюда, которых и с миром почти ничего не связывало, не выдержав этой жизни, уходили назад, а что говорить о хрупкой жене князя Дмитрия? Нет, там ей жить нужно, где она навсегда и осталась тогда. Иначе все нарушится в этом мире, никакого порядка и покоя не будет там больше. Евдокия поспешно с ним попрощалась, да и отправилась прочь.

№№№№№№№№

Княгиня была довольна тем, что увидела и услышала. Она высоко ценила внимание и помощь митрополита, но в глубине души таила надежду, что когда митрополит окажется

бессилен ей и князю помочь, а так будет, тогда на помощь и придет отец Сергей. Эта мысль и успокоила ее окончательно.

А окружала ее великолепная природа, которая и сама по себе была уникальна, и в такие минуты помогала жить и расти, и стремиться вперед и побеждать.

Тогда, по пути домой, она впервые задумалась о том времени, когда больше не будет ее на свете, сгинут и татары, не вечны же они, и сильными поднимутся славяне, они перестанут быть рабами. Но даже если этого не случится, все равно будет светить солнце и зеленеть трава, будет шуметь лес, и бури бушевать вокруг.

Забудут их имена, радости и мучения, они сами не поймут, из-за чего ссорились и воевали, что надо было им тогда делить, но они будут помнить отца Сергея, потому что такие не забываются. И от этих мыслей ей стало теплее и уютнее жить в странном мире. И от памяти о нем станет в душах теплее и уютнее.

Евдокия тихо улыбнулась, любуясь алым закатом, радовалась, что ей довелось прийти в этот мир, что она может жить и радоваться жизни. Мир восхитителен, таким он и останется навсегда. Но пока им нужно было только избавиться от рабства, не разрушать, а начать строить. И поможет им в этом странный священник, которого она смогла нынче навестить.

Она почувствовала еще у городской стены, что Дмитрий вернулся, и бросилась к нему в объятия. Радость в тот день переполняла ее душу.

Глава 6 Вера и безверие

Сергий с самого начала знал, что женщина первой придет к нему. И будет это мать детей великого князя Дмитрия. Ведь это ее будет больше всего волновать то, что происходит в мире. Она должна знать, что случится в мире, когда дети ее подрастут, как они себя поведут, что оставят им в наследство родители. Он был мудр и хорошо знал, как устроена жизнь, жена того, кто взял в руки меч, должна сохранить если не самого воина, то его наследников.

Жены князей всегда больше иных верят в бога, потому что им надо верить в то, что кто-то их сможет уберечь от беды. Ему понравилась княгиня, хотя он и не почувствовал в ней искренней и глубокой веры, не разглядел того верного служения этому миру, всему, что в нем было. Ее разум был загружен чем-то совсем иным, не связанным с верой и миром. Но Сергей понимал, и хотел другим объяснить, что люди страдают оттого, что они ушли от своих богов, они и верили – то не сильно, так только от случая к случаю, и жертвы приносили, когда уже поздно было, не потому ли все так скверно для них складывалось? А самое главное, что в трудные минуты бежали они в леса, к своим богам, и там оставались с ними, понимая, что только они и смогут уберечь в минуты грозной опасности.

А тут даже те, кто молятся и соблюдают все обряды делают это скорее по привычке, нет им дела до таинств, до главных дел, и бес постоянно соблазняет их своими пакостями. Они бегут, даже не подозревая, что только темная половина бога и есть реальность, потому им не понять, не поверить в него до конца. Но зря себя жрицы и священники обманывали, они как не верили в него прежде, так не верят и теперь. Так с ним всегда и во всем оставались. И все беды их кончатся не тогда, когда они к Перуну вернуться, словно возможен такой возврат, а когда они, наконец, придут к новому богу.

Только вера в бога сможет объединить их и поддержать в борьбе. Он понимал свою миссию, как нечто большее, чем просто служение богу. Он может оказаться в стороне от этого мира, и тогда никакая сила больше не будет противостоять вере в бога. Он не хотел быть миротворцем, отвлекался от обычных дел. Но какая-то сила двигала им в те минуты. Только тогда все, им сотворенное будет стоять, пока он тверд в своих убеждениях.

Путь его был ясен и верен. Он так много слышал о князе Дмитрии, если на что-то сетовал, то на то лишь, что князь от него так далек.

– Она мила и хороша, но не она должна привести его сюда, он сам должен появиться, – размышлял священник. Но он чувствовал, что сам Дмитрий еще не скоро до него дойдет. Митрополит к нему ближе, тот удержит князя. Хотя и погряз в интригах, и нельзя ему ни в чем доверять.

Только далекий человек может приблизиться, а близкий навсегда далеко останется.

– Мы должны были уже встретиться, стать ближе друг к другу. Но пока Дмитрий мотается между мамаевым станом и митрополитом, и своими братьями князьями, и литовскими королями, все так запутанно раз и навсегда, что и при желании не распутать этого клубка.

Отец Сергей понимал и ждал, уж чего, а терпения у него было достаточно.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Князь почувствовал приближение беса, но не гнал его, никогда не гнал, потому что надеялся на его помощь, и никакая сила против беса не могла его настроить. Он знал, как смышлен и как полезен может быть этот тип. И если кого-то и пришлось ему прогнать, так это самого митрополита, который своей ложью и праздной леностью, был еще дальше от Бога, чем рогатый, по разумению князя. Это он казался настоящим злыднем. А бес оставался самим собой, никакая сила не могла быть против него. Эти мысли показались Мефи странными, если бы он не знал, что старик не врет вовсе, как бы он порадовался происходящему. Но держался бес

настороженно. Ни блестящий митрополит, ни нищий священник ни смогли бы провести его, всякое он видел на своем веку.

Глава 7 Прошлое в настоящем

После отъезда княгини отец Сергей погрузился в воспоминания. Нет, он вовсе не мечтал о чем-то запретном, а с женщинами встречался так редко, что и не помышлял о каких-то желаниях. Он думал о войне и мире, о том, куда будет двигаться Русь дальше. Но какие-то чувства в его душе она все-таки разбудила, хотела того или нет.. И главным было чувство сопричастности ее в больших и важных делах, которые им предстояло творить. Он думал о пророчестве патриарха Петра, с которым был хорошо знаком еще во времена молодости. Они много говорили и спорили о самом главном.

Патриарх тоже был заинтересован в том, чтобы все было по-другому, чтобы русские земли наконец объединились и скинули ненавистных татар. Ему хотелось, чтобы Тверские земли объединились с Владимирскими, а не боролись за власть после падения Киева, когда тот стал одним из окраинных городов на Руси, давно перестал привлекать и своих, и чужих. Но пока они соперничают, победит какой-то третий град, до сих пор незаметный. Тогда называл он и Москву или просто почему-то вспомнил о ней, вот это как-то забылось. Но то, что победила Москва, это странным отцу Сергию даже не показалось.

Князь Дмитрий родился именно в Москве. А ведь он долго не верил в то, что такой князь может быть на этой земле, а ведь вырос и окреп.

№№№№№№№№№№

А тем временем в Свароге столкнулись князь Юрий с Иваном Калитой. Они так были заинтересованы в том, что там творилось, что забыли о мире и покое. Им хотелось лучше рассмотреть все, что на земле творится. Ведь если там будет все, как им хотелось, то можно оправдать и их прошлые грехи. Ведь не напрасны были все принесенные жертвы, ради святого дела избавлялся князь Иван от братьев своих и соперников. А второй, тот, который хотел удержаться, и пал в орде от меча, за своего отца мстивший и не отомщенный до сих пор, оба они оказались там и палачами и жертвами, и должны были в мучениях покой обрести. А значит, надо искать оправдания. Да и тогда на земле они о грядущем только думали, а теперь оставалось убедиться в том, что они были правы во всем. Но пока оставалось наблюдать и гадать, когда поднимется князь Дмитрий и плечи расправит. Так и металась там, бесплотные тени, ждавшие оправдания своей земной жизни. Это при жизни они не думали, на что себя обрекают, а тут все переменялось в один миг.

Иван Калина оставался все время с другим Юрием – Долгоруким, который сверху видел все его дела великие и малые. Наверное, недаром кажется всем, что за ними с небес наблюдают. Он был заинтересован в том, чтобы Москва поднялась над другими городами, но Владимир был его любимым детищем, и представить себе, что какой-то другой град завоевал его место, было очень тяжело, он казался мал и неказист и совсем не годился для этой роли.

Споры казались пустыми и бессильными, ничего сделать они все равно уже не могли, а сознавать свое бессилие было тяжело. Ожидание длилось, порой оно казалось невыносимым.

Глава 8 Мечты и планы

Княгиня вернулась к себе. Несколько дней была она с князем, так ничего и не сказав ему о том, что была у отца Сергия. Она чувствовала, что еще не время, и самое главное, чтобы князь не оттолкнул священника. Да и не знала она, как он вообще отнесется к этому священнику.

Вспоминая снова и снова то, о чем она говорила, и о чем может быть не сказала, но хотела сказать, Евдокия неожиданно вспомнила рассказ о «Слове «Игоровом. Две с половиной сотни лет назад была какая-то своя история у князя Игоря, да и сам свиток и прятали и старались уничтожить, многие пострадали тогда от руки Всеволода, но отыскать так и не смогли. Но что же было в нем такого тайного и страшного?

Митрополит говорил, что в их монастыре есть Слово это. Она должна его прочесть, чтобы не гадать, что такое там было. Еще в детстве в Суздале она слышала от отца обрывки рассказов о крамольном писании, но страсть как хотелось ей прочесть его само, хотя тогда она еще не умела читать. Девочка была настырна и хитра. Она подслушивала разговоры монахов и узнала, что это то самое Слово, которое запрещали повсюду. Она зашла в келью, когда там было пусто, только один монах оставался за своими вечными трудами, она упростила его показать Слово, и намекнула на то, что если он не покажет, то она обо всем расскажет отцу.

Но как только «Слово» оказалось в ее руках, на пороге появился отец. Донес ли ему кто, сам ли он видел, как она туда отправилась, и в келье мерцала свеча, но он пошел к монахам.

– Что ты тут делаешь, дочка? – спросил князь сердито.

Она стала раздумывать, известно ли ему что-то или он просто так спрашивает, чтобы она сама все выложила.

Монах сидел не жив, не мертв, наверное, умоляя своего бога избавить его от расправы. Девочке некогда было обращаться к богу, да не верила она в него так уж сильно, чтобы на него надежды возлагать. Она быстро спрятала свиток в складки одежды, и сказала, что у нее нет способностей к чтению и письму, все отказались, и только этот монах согласился ее научить, потому что великой княгине надо уметь читать и писать, ведь еще дочери Ярослава Мудрого с этим прекрасно справлялись.

– Если нет радения, то нечего и учиться, – буркнул князь, он ожидал услышать что-то совсем другое.

– Но надо одолеть то, что не дается, как иначе? Я не собираюсь прослыть тупой дурочкой.

Так она вошла в свою роль, что никто больше, даже сам князь не смог бы ее остановить, монах мог перевести дыхание, но он все еще затаился и не двинулся с места.

Князь не знал, что и думать, если она пришла на свидание, то не к монаху же этому, если она что-то еще скрывает, то все равно не скажет, сколько не пытай ее. Он вернулся назад, но никак не мог понять, радоваться ли ему за дочь или огорчаться? Она уродилась настоящей княгиней, и совсем не похожа на мать, которую кроме детей и хозяйства ничто не интересует. Ну что же, если его дочь будет королевой, ему хуже от этого не станет, и ему не стыдно будет перед Ярославом за то, что такая дева у него уродилась. Она говорила правду, именно тогда княжна начала учиться читать и писать, только «Слово «куда-то бесследно исчезло, его нигде больше не было.

Монах решил больше не рисковать, и хотя княжеского гнева ему удалось избежать, но кто сказал, что так будет и в другой раз? Не стоило испытывать божьего терпения, а писание было языческое, там о Христе не было сказано ни слова, словно его еще и не существовало, а ведь сотню лет уже был он богом и для русичей тоже. Вот и сейчас вспоминала княгиня о том забавном случае из детства своего. Если бы о том самом «Слове» не заговорил отец Сергий. Но она должна точно знать, что же там написано было, отчего столько возни вокруг него все время творится, пусть попробуют монахи отговориться, отпереться.

Как только Дмитрий отправился к воинам, сказал, что до вечера будут они в чистом поле, она отправилась в монастырь. То ли воспоминания толкнули ее туда, была ли еще какая-то причина, но действовала она четко. Кто мог подумать, что это писание заставит вернуться в далекое прошлое.

Глава 9 Над Словом Игоревым

Княгиня уже несколько часов читала повествование о старом Игоре в походе против половцев, кто они такие и отчего их больше нет в мире, спрашивала она. Кажется, татары подавили их и прогнали далеко. Оказавшись в плену, поверивший тому, что они отступают и попавший в засаду князь Игорь, теперь упрекал остальных князей в том, что они воюют друг с другом, никак не могут соединиться, а уж помышлять о том, что станут помогать, не было никакой надежды. Как сильно и страстно звучало это древнее Слово. Она не просто слышала голос несчастного князя, обращенный к ней из глубины веков, она внимала ему и старалась понять то, что там тогда творилось. Она перечисляла имена тех князей, к которым он обращался. Какие-то из них ей ничего не говорили, какие-то были смутно знакомы. Но что же такое там творилось, не там ли корень всех бед, случившихся с ними позднее. Почему никто не пришел на помощь, не встал на защиту Игоря, вот и распался славянский мир прямо перед монгольским нашествием. Если татарские ханы знали о том, что творится между русичами, то они должны были оставить все другие походы и двинуться против русичей, потому что в ту пору их так легко и просто было захватить.

– Почему Всеволод? – спрашивала княгиня. О нем она слышала много и подробно столько хвалебных речей, и вдруг оказался главным виновником того, что там творилось. Ведь и могучий Ярослав Галицкий, да еще родич Игоря, и Святослав старый тоже ничего для этого не сделали.

Это они должны были начать объединение, а не Всеволод. Она понимала, почему писание это таким крамольным оказалось. Оно проливало свет на то, как это было на самом деле, они не смогли бы терпеть обвинения и насмешки, и свидетельств таких о том времени. Все горько и печально. Но князь Игорь, который позднее станет Черниговским, это врезалось в память, осмелился написать и сохранить свое послание к потомкам. Но нигде в Московских летописях не было о том ни слова. Тогда княгиня и решила побеседовать о том с монахом, с тем самым с которым когда-то застал ее отец. Столько воды утекло, наверное, теперь можно было поговорить о том, что они тогда пережили. Да и князь Дмитрий не стал бы сердиться так, как ее отец, значит опасаться им нечего. Говорил он спокойно и рассудительно.

– Не стоит суетиться, княгиня, нигде не найдешь ты упоминания об Игоре Святославиче. Все мы интересовались и «Словом» его и судьбой, но ничего нигде найдено не было.

– Отчего же – удивилась еще больше Евдокия, ведь вы записываете рождения и смерти даже тех, кто день и два на этом свете пробыли и покинули его. И о них все есть, так почему же нет ничего о князе Игоре?

– Наверное, не слишком усердные монахи были у Всеволода, а может по приказу княжескому изъяли все о нем из этого мира и из того тоже, – монах кивнул на летописи. Всеволод сам следил за тем, что писалось. А чего не писалось вовсе, потому так и вышло.

Княгиня понимала, что недаром князь Игорь во всем обвинял Всеволода, наверное, с ним все и было тогда связано в первую очередь. Наверное, у князя и отца Сергия были разные боги, не мог же один и тот же быть таким разным?

Тогда и произнесла княгиня:

– Значит, бог позволяет, чтобы лгали, скрывали, вырывали страницы летописи в угоду властелину?

– На земле может и позволяет, но на небесах все спросится, вот тогда на углях горящих они и попляшут, никто не уйдет от ответа, только не задумываются они о том, пока на земле остаются.

– А откуда знать, что на небесах по-другому, если тут такое творится?

Княгиня ничего больше не сказала, да и монах молчал. Есть ли в этом мире бог, таков ли как они себе его представляют? Одна ли княгиня обо всем этом задумалась.

№№№№№№№№

Бес, случайно заглянувший в келью, заинтересовался этим разговором. Ее помыслы очень понравились рогатому. Как девица обычная могла быть так умна и проницательна? Он не мог понять этого. Даже старый монах оторопел и ничего не мог сказать в ответ.

Он поспешил в Сварог, чтобы обо всем рассказать князю Всеволоду.

Бес прекрасно знал, кто был виноват больше других. Ведь тайное благодаря ему должно было стать явным. Хорошо, что дева, пусть и великая княгиня, сможет побольнее пнуть того, с кем он боролся долго и упорно. А он-то верил, что не найдется управы. Когда могучий князь уходит на небеса, в мире все мгновенно меняется, становится другим. Он думает, что никто не сможет засунуть свой нос в его летописи, но не бывать этому.

– Что это? – недовольный тем, что его побеспокоили. Спросил Всеволод

– Это княгиня Евдокия Московская, дочь князя Дмитрия, и жена Дмитрия Московского. А что у нее в руках, тебе ведомо лучше моего, хотя монахи не раз переписывали «Слово «Игорево, но ничего там не поменяли, оно осталось прежним. Если бы ты тайников не наделал, может и забылось оно бы давно, а так попробуй, забудь – стало оно для многих самой большой забавой. Она же возмущена тем, что об Игоре нет нигде никаких упоминаний, а ей хотелось бы узнать его судьбу. Уродилась она дотошной. Рано или поздно все одно обо всем узнает, и о внезапной кончине князя Игоря тоже, и о смерти в Галиче его сыновей, вот с чего бы тем-то умирать было, не ведаешь?

Всеволод в ярости повернулся к нему. Пронзил его горячим взором. Но бес сделал вид, что ему это безразлично, они просто говорят о каких-то делах обычных.

– На что это ты намекаешь?

– Намекать тебе может твоя наложница, если смелости хватит, а мне все известно заранее, и монах может рассказать интересную историю. Ему же больше нечего бояться. Не будет лжи там, ведь ложь не может быть такой отвратительной. Да и мне трудно придумать такие дикие вещи, которые ты сотворил.

Всеволод хотел что-то сказать в ответ, но промолчал, поднялся и пошел прочь. Бес его больше не удерживал. Все, что было нужно, он уже и так рассказал. Князь понимал, что за все ему придется ответить, а когда узнают, будет поздно. Так бессмертие и окажется для них кошмаром.

Глава 10 А тем временем

Княгиня вернулась к себе. Она рассказала Дмитрию обо всем, что узнала в монастыре, секретов от мужа у нее не было. Он видел насколько она потрясена из-за всего, что случилось там. Дмитрий не меньше, чем ее отец когда-то порадовался тому, что он о своей жене услышал, тому, как серьезно она интересовалась всем, что происходило в мире.

– Нужно, чтобы двести лет в рабстве и мучениях прожили мы, и только потом обо всем узнаем и сможем объединиться с братьями против них.

– Человек слаб, он понятия не имеет о том, что в мире творится, и совершает столько ошибок.

– Но ты должен что-то изменить, мы не можем уйти, даже не пытаясь что-то сделать, зачем тогда все это?

Князь понимал, что если о том просит даже его жена, то он должен все это сотворить. Хотя он сам об этом же думал. Наверное, потому он пришел в мир именно в это время, и небеса о нем заботятся.

Дмитрий после разговора с женой решил заглянуть в тот монастырь и почитать Слово. Но он просил, чтобы монах растолковал ему незнакомые слова, хотелось понять древнего князя до конца, а он плохо знал тот язык.

Боброк говорил ему недавно о том, что княгиня была у отца Сергия, откуда он о том узнал, кто его знает, но говорил твердо, так что никаких сомнений не возникло. Почему сама княгиня ему не рассказала, Дмитрий не мог понять, ведь она никогда ничего не боялась.. Ему хотелось заглянуть и к этому священнику, что-то все ходили вокруг него, и только князь пока до него еще не дотянулся. Но он все больше и больше готов был связать себя с тем миром, в котором оставался. И сделать для него что-то важное.

№№№№№№

Люди порой возвращаются в прошлое, в недоступную им реальность, и приходят они туда в одно мгновение. Тогда все и становится на свои места. Князь взял с собой Боброка и еще нескольких близких ему людей. И отправился в совсем иной мир, от блеска его не осталось и следа. И хотя Дмитрий был в обычном одеянии, но при отце Сергии он показался слишком ярким и нарядным. Хотя тут же склонил голову перед обычным священником. Хорошо, что не видел этого митрополит, он бы подивился происходящему. Он был так высок и худ, что казался значительно старше, чем был на самом деле. Он так достойно держался, что вся внешняя мишура как-то отошла в сторону.

Они шли по тропинке вдвоем и направлялись на опушку леса. Там было два широких пня рядом. На один из них уселся молодой князь, по знаку отца Сергия, на второй опустился он сам.

Стражники князя разошлись, и только Боброк, оставшись в одиночестве, не сводил с него глаз. Старик говорил мало. Но сказал для первого раза он много. Зато слушать он умел, как никто другой. Но слушал он так не только молодого князя, а и любого другого человека, перед ним оказавшегося, конечно, того, кому было что-то сказать.

– Я давно слежу за тем, что ты делаешь, как вырастешь, хорошо, что мы совпали с тобой по времени. Хотя надо было на Тверь и на Михаила взор свой обратить, но вот на тебя гляжу, и появляется уверенность, что Москва станет матерью городов русов.

– Но почему же не Тверь? – невольно вырвалось у Дмитрия, видно было, что это больной для него вопрос, и все время он о том думает, – они пострадали от рук наших предков, и если торжествовать справедливости, то все на их стороне.

– Да не было и никогда не будет той справедливости, – неожиданно ответил отец Сергий, – вот и Михаил верит, что так должно быть. Но одной веры мало, для этого надо что-то

делать. Да и не надо нам все время на прошлое оглядываться, оно прошло и не вернется, с вас за грядущее, а не прошлое спросится..

Странно все это было слышать, но показалось Дмитрию, что был он в страданиях своих обласкан. Если бы каждый из князей не с бесом, а с отцом Сергием поговорил, то может и жизнь бы по-другому текла.

И, кажется, произнес он это вслух, потому что говорил отец Сергей:

– Не стоит его сторониться, потому что все свои грех и беды вы на него спирать привыкли. Конечно, доверяться ему не следует, но и пенять на него не надо. Но и против него идти – себе дороже. Для разумного он хорош, а для дурака никто хорош не будет.

Странно прозвучали эти слова святого отца. Никогда бы митрополит не сказал такого, а вот он сказал и был уверен в том, что прав. Растерянность поселилась в душе князя, чего-то совсем другого он ожидал, и видя это, улыбнулся священник.

NoNoNoNoNoNoNo

Боброк начал то ли волноваться, то ли сердиться. Он не доверял старцу с первого взгляда, никак не мог понять, чем не нравится ему отшельник, но не нравился точно. Он словно жил в другом мире. Он живет, как ему хочется, но не стоит в дела князя вмешиваться. И еще подозрение было у воеводы – ему казалось порой. Что ушел от мира отец Сергей именно для того, чтобы прослышав о подвиге его князя, смог в том поучаствовать, чтобы заметил его князь и сам к нему пришел.

Ушли они в полумраке, казался князь окрыленным, он был доволен тем, что узрел и услышал, тем, что дорога его к отцу Сергию привела.

Он понял, почему Евдокия не говорила ему о свидании со священником. Она хотела, чтобы он пришел туда сам, вот и молчал Боброк, озадаченный тем, что он там видел и слышал. Только смотрел по сторонам и думал о том, что там еще может случиться.

NoNoNoNoNoNo

А между тем Мамай готовил поход. Он не собирался отступать и понимал, что мир вокруг него вертится, если он не докажет русичам свою мощь. О победах и славе Батыевой он вовсе не думал, хотя бы просто утвердиться так, чтобы ханом его признали. Пока еще молод Дмитрий, он должен сокрушить его, глазом не моргнув, потом будет поздно. Он захватил власть не для того, чтобы так просто с ней расстаться. А если другим удавалось удержать русичей в узде, то почему это не получится у него?

Глава 11 Ожидание

Бес вспомнил о тех словах прекрасных, которые выдал о нем отец Сергей. Он мог приблизиться к священнику, наверное, тот во всем хочет быть не похожим на остальных. Но ему надо было принять личину кого-то близкого к окружению священника или князя. Он решил посмотреть на его воевод, понял, что ему не хочется становиться Боброком, какой-то тот положительный и правильный. Но зато он обратил внимание на неприметного друга детства князя Михайло Бренка. Пока Боброк старался держать его подальше от князя по каким-то своим соображениям, но ведь все меняется в мире, должно измениться, и потому Бренок должен выйти из тени. На самом деле Бренок был лучшим из молодых воинов – хорош собой, умен, весел, он как раз совпадал с самим бесом и воплотиться было не так и трудно. Надо только отбиться от девиц, которых рядом с ним всегда было много.

Так все переменялось в одни миг, но даже Дмитрий не заметил этой перемены. Боброк видел, что парень стал каким-то странным, но чего только не случается в ближайшем княжеском окружении. Но с его умом и честолубием, он мог просто желать поближе оказаться к князю. Вот только ладить с ним становилось все труднее. Он стал противоречить князю, давать какие-то советы, чего прежде не было никогда, что за черт в него вселился, – размышлял при этом Боброк. Больше всего пугало Боброка то, что он терял свое влияние на князя, такое случалось и раньше, но ведь не в таких же масштабах.

Боброк и сам старался держаться подальше, чтобы Дмитрий ощутил, как без него плохо, но скорее всего князь этого даже не замечал. Потом он успокаивал себя, говоря, что надо подождать, парень хорош только пока не грозит опасность, а как только случится что-то такое, он сразу вспомнит о нем. Но все происходило совсем не так, как думалось воеводе, и Бренок занимал все больше места и в княжеской свите и в мыслях Дмитрия. Первой заметила эту странную перемену княгиня. Она увидела вдруг, что рядом с Дмитрием творится что-то странное. Правда, сначала она решила, что он просто устал от опеки Боброка и скоро это пройдет. Но ничего не проходило. И тогда она заметила страшный холод, исходивший от Михаила. Даже в самый жаркий день, стоило ему промелькнуть рядом, и можно было умереть от холода. Она обиделась, ей казалось, что он просто хочет ее заморозить. Наверное, он мстит за то, что она от него отдалась и больше не хочет быть с ним рядом. Потом, когда она перестала думать о чувствах, она стала размышлять здраво и решила, что в душе самого Михаила случились какие-то странные перемены.

Трудно было понять только, что же ждет их все дальше, что еще может быть с ними. Ей хотелось, чтобы эти перемены никак не отразились на князе. Она поняла все раньше самого князя и оставалась страшно проницательной. В этом не сомневался и бес, и только какая-то странная тайна не давала ему покоя.

Князь Дмитрий ни к кому прежде не ревновал жену, но тут он испытывал странные чувства. Словно бы она могла изменить с ним, есть что-то, о чем он мог узнать последним. Потом он забывал об этой опасности до следующего столкновения.

Бес скоро убедился в том, насколько проницательна княгиня, какая-то тайна ореолом висела в ее сознании. Евдокия часто рассуждала о том, кого в кругу ее мужа называли Бренком. Она чувствовала, что со временем ему будет отведена в этом мире главная роль, только она пока не понимала, в чем же она будет состоять. Он убьет Мамаю, или последним ударом по врагам приблизит победу. Так и родился тогда совсем необычный персонаж.. Много воды утекло прежде, чем он успел проявить себя, но имя его навсегда останется в летописи рядом с именем князя Дмитрия. И рассказы о нем заставят девиц вздрагивать и вглядываться в ту тень, которая появилась вдруг перед ними. А каким был он реальный и живой, к тому времени никто уже не ведал.

Глава 12 Черное и белое

Бес пытался утвердиться в этом мире. Показать всем, что он существует, и не просто существует, но ведет бурную деятельность. Словно бы он нуждался в этом.

А пахать в те дни Мефи приходилось много и упорно и за себя и за всех остальных. Так вольно или невольно он оказался слугой двух господ. И он гордился тем, что с этим справлялся, и никто даже не пытался ему в том противостоять. Все остальные могли только выбирать, быть с ним заодно, или быть против. Но и то и другое приносило им немало бед и страданий.

Алексий готовился к важному делу, к подвигу, который должен был совершить его князь. Когда его спрашивали, как он может так рисковать сыном своим, а именно таковым священник и считал князя, не только потому, что он был его крестным, а просто так убедил себя, что Дмитрий им рожден и выпущен в мир. Он отвечал, что как бог отдал своего сына, так и он готов был отдать своего. И если ему суждено погибнуть, то погибнет он за правое дело освобождения мира от рабства татарского. И рожден князь и воспитан именно для этого.

№№№№№№№№№№

Схватка бога с дьяволом иногда завершалась полным раздором. Иногда схватка завершалась поражением, иногда оставалась победной, и бес мог собой гордиться.

Ему хотелось быть победителем всегда и везде, и ради этого Мефи не жалел живота своего, хотя прекрасно понимал, что смерть ему не грозит, но порой так хотелось стать ближе к людям. А Бренок видел, что на него смотрели как-то странно, словно он только что появился перед ними, а не был тут с самого начала, странно такое для себя открыть. И он чувствовал себя словно не в своей тарелке, откуда такое могло появиться?

А тут еще Боброк все время был рядом, и понимал, что чем ближе Бренок к князю, тем злее тот будет становиться.

Правда, изменилось его отношение к женщинам и девам. Нежный, восторженный, обивший соблазнять и соблазняться парень, в один миг сделался грубым и агрессивным, девицы стали бегать от него, как черт от ладана. Они были с ним, конечно, но не испытывали больше прежней радости, и побыв одну ночь, исчезали, словно корова языком слизала. Порой он тосковал и отчаивался, но быстро успокаивался, хотя и не верил в то, что изменится что-то.

Их обмануть было трудно, еще труднее себя самого, но никто не понимал, что же случилось с Михайлом. И даже его любимая девица Алена, видевшая давно себя его женой, отправилась к ведьме, чтобы узнать, что же с ним такое приключилось?

Старуха внимательно ее слушала и молчала, словно не желала открывать страшную тайну. Но добиться от ведьмы Алене ничего не удалось, тогда она отправилась в собор, чтобы помолиться и поставить свечу. Но свечка сторела, пока она читала молитву, а Бренок, как и в прошлые ночи был груб и не похож сам на себя. От такой ночи остались только злость и разочарование. Она томила от дурных предчувствии в ожидании новой встречи. Она пообещала себе, что если ничего не переменится, то это будет их последняя встреча.

Бес знал об этом решении девицы, даже хотел как-то помочь своему несчастному юноше, чьим телом воспользовался так нагло, но он не мог сделать что-то, чтобы Бренок стал прежним, он просто не знал того Бренка, и не представлял себе каким он был.

Глава 13 Неразбериха

Брожения и метания в душе Бренка стали только началом тех волнений и тревог, которые появились в те времена. Дмитрий объявил о строительстве нового храма в Москве, а во Владимире строительство почти завершилось.

– Мы должны укрепить веру в сердцах людей наших, – говорил он задумчиво.

Священник смотрел на юношу и прекрасно понимал, что тот хочет заручиться поддержкой бога при помощи этого собора для того, чтобы удача их не оставляла. Но просто построить собор – этого мало, надо еще верить в бога искренне. Пока же даже сам князь приходил сюда далеко не всегда с большим рвением и желанием. Но разве что-то это даст? Они будут повторять слова молитвы, а думать все время о своем, и не услышит бог такие молитвы, никогда не услышит. И еще бы от Перуна, и веры в него как-то откреститься, тогда все будет проще и легче.

Дмитрий слишком молод и хочет решить все быстро, не прикладывая усилий. Но сколько бы золота он не отдал на крест, разве смогут они дотянуться до небес?

Митрополит понимал, что страшно принимать старость, и хотя в отличие от любого воина, редко до старости доживавшего, он проживет еще не один десяток лет, служить и богу, и князю своему будет исправно, но лучшие годы его уже прошли и остались в прошлом, ничто больше не вернется назад.

№№№№№№№№

Бренек, услышав речь о новом храме, при митрополите не произнес ни звука, но как только тот ушел, он решил поговорить о главном:

– Княже, зачем нам столько этих храмов? Их и так больно много, плюнуть неуда, все время в храм попадешь.

– Я тебя перестал понимать, – заговорил Дмитрий, и это было правдой, в последнее время Бренек сильно переменялся.

– А тут и понимать нечего, – отрезал тот, – словно тоже видел его в первый раз и старался рассмотреть хорошенько, – натыкали на каждом шагу одних храмов, но, сколько бы их не строили, веры в душах все равно не прибавится.

– И с чего ты взял?

– А с того и взял, что нет бога в душах твоих воинов, и я докажу это тебе хотя бы нынче на пиру.

– Что ты мне показать хочешь?

– Отправимся мы в одно место, вот там сам и поглядишь, – пообещал Михайло. Князь начал беспокоиться, страшно даже представить было, что мог ему показать Бренек. Но отказываться он не стал, надо значит надо.

Он заметил, что добродушный прежде Бренек становился порой грубоватым, а часто и злым делался, но ничего говорить не стал. Напрасно в тот вечер княгиня ждала мужа, ей так много хотелось ему поведать, а он куда-то пропал вместе с воинами своими.

– Понятно, Михайло вряд поведет его к девицам, и то ладно, потому что девицы шарались от него в последнее время и знать не хотят. Но почему тогда волнение было таким сильным? Есть в мире что-то пострашнее девиц. Вернется наверняка злым и раздраженным, и ничего рассказывать не станет

Отправились они в темный лес, как выяснилось, не только Бренек был вместе с Дмитрием. Боброк не мог оставить их без присмотра. Ему хотелось самому все видеть и знать, а ведь они не расскажут.

Глава 14 В загородном лесу

Еще в детстве слышал что-то князь Дмитрий о древних богах, скрытых в заповедных лесах. Но воспринимал все это, как странную сказку, которая к реальности не имеет отношения. Но вот ведь имела, они оказались в этом дальнем лесу, который так уж случилось, прежде обходили стороной. Он просто оказался в сторонке от проезжей дороги, был на тех невиданных дорожках, куда ему никогда не было дороги.

Лес этот не отличался от прочих, хотя и казался великаном, во тьме деревья выглядели значительно больше. Князь вспомнил о том, что татары его обходили стороной, словно он на самом деле был заколдован, а может и был.

Они вошли туда вместе с Бренком, и первое, что бросилось в глаза – Луна осветила дорожку, и странные изваяния стали появляться то там, то тут. Это и были древние боги, и где-то тут были и Велес и Перун.

Там появились и какие-то люди, хотя он видел только их тени.

– Что они тут делают? – спросил он у Бренка, хотя нетрудно было догадаться – они совершали какой-то языческий обряд. Бренек хотел подойти ближе, но Дмитрий остановил его.

– Не надо, – произнес он очень тихо, так что шумевшие люди не могли его остановить.

Издалека Дмитрий еще раз посмотрел на то, что там происходило, ему показалось, что он оказался в каком-то древнем и непонятном ему мире.

– Но с этими людьми тебе надо будет в сражение идти, а ты ведь веришь в своего Христа, ты был недавно у отца Сергия, и он заразил тебя своей верой странной, но как же так, когда-то Святослав не хотел этого бога принимать, чтобы воины его не засмеяли. Прошло столько лет, мы изменились. А воины наши прежними остались. Теперь они не смеют над князем смеяться, митрополит тут главное лицо, примирились немного с тех пор.

В полутьме таинственного колдовского леса не обращал князь внимания на Бренка, а если бы прислушался, то не смог бы не заметить, насколько странными были его речи, говорил явно кто-то другой, но не этот парнишка, с которым вместе он рос.

NoNoNoNoNoNo

Княгиня подошла к окну, она не могла сомкнуть глаз, ей казалось, что Дмитрию грозит беда, а в таких случаях она всегда была настороже. И хотя видимой опасности не было, и Дмитрий вовсе не был так слаб, но что-то такое витало в воздухе. Только когда два всадника вернулись на княжеский двор, она медленно отошла от окна и усмехнулась, уселась в кресло и замерла. Ей не хотелось показывать ему своей тревоги, но и притворяться спящей она тоже не хотела. Дмитрий пришел быстро, сбросил в углу намокшую одежду, там видно шел дождь, наверное, так небо отвечала на то, что творилось вокруг.

– Что случилось? – спросила он, заметив, что она сидит и ждет его.

– Ничего не случилось, лебедка моя.

– Почему ты умчался, ничего не сказал?

– Бренек, – устало прошептал он, понимая, что так просто не отстраниться от нее, – он решил показать мне диковинку, в то время пока мыс троим храмы, они по прежнему поклоняются своему Велесу.

– Этого не может быть, – вырвалось у нее, еще до того, когда она смогла понять все, что он говорил.

– Мне показалось, что мы попали во времена древнего Святослава, оказались там на празднике. Но там настоящие кумиры, они сотворены не нынче. Они благосклонно принимали жертвы, принесенные людьми, я и сам взираю на то, словно замороженный.

Он замолчал и отвернулся, потому что значить это могло только одно — все его усилия оказались напрасными. Его люди вовсе не верили в то, что им может помочь и спасти новый

бог. Но ведь они успели так далеко уйти от тех богов, к ним нет, и не может быть возврата. А вот древние боги оставались с ними. Они существуют и влияют на их судьбы.

Евдокия была потрясена, она не замечала такого ни в Суздале у своих людей, ни здесь, они просто были где-то рядом. Кто они такие, что их интересует, хотят ли они этого мира. Они были в разных мирах, а она растерялась по-настоящему, и главная беда, что князья друг с другом воюют, и в том, что боги у них древние, и никогда они ничего не поймут.

Если бы ей сказали о том, что Дмитрий ездил на свидание к какой – то девице, она не была бы так смущена и раздосадована. Она просто поняла бы, что у ее мужа есть какие-то слабости. На него надо почаще взор свой обращать, а тут все так странно, так непонятно.

– Что нам делать, – спросила она у Дмитрия.

Но княгиня понимала, что нет ответа на этот вопрос.

– Ничего мы с этим не сделаем, не сможем мы этого одолеть.

– Хорошо, что мы вместе, – размышляла княгиня, засыпая в его объятьях. Она понимала, что нельзя так привязываться к другому человеку, если вдруг он исчезнет, пропадет, тогда ничего кроме пустоты не останется, она просто не сможет жить дальше. Но у каждого есть и своя жизнь тоже, можно ли разбрасываться?

Но Евдокия благодарила бога за то, что он послал ей такого мужа, соединил их однажды вместе.

А во сне она видела деревянных кумиров, облитых кровью, и вокруг них стояли разные – знакомые и незнакомые люди. И так странно было сознавать, что они рядом, что они так близко.

Смута в умах началась страшная, бес никак не ожидал такой реакции, теперь он сомневался, что поступил правильно, когда показал им зачарованный лес. Может быть, жили бы они в двух мирах и оставались бы довольны происходящим. Но как важно показать, что они заблуждаются. Они смогут что-то предпринять.

Мир странно переменялся. И он был причастен к этим переменам.

Глава 15 В раздумье

Впервые за все время Дмитрий углубился в реалии, хорошо понял, что она вовсе не такова, как ему казалось сначала. Ему нужно было на что-то опереться. Когда он заметил, что жена его погрузилась в чтение каких-то свитков. Она не говорила, что именно читает, да и, кажется, не собиралась объяснять, теперь он заинтересовался происходящим. И это оказалось «Слово» князя Игоря – то самое, которое ему хотелось отыскать, посмотреть, что же это за свиток такой. Но все время что-то мешало ему этим заняться.

– Отчего тебе это важно? – спросил он

– Я хочу ведать, как было тогда, и почему мы оказались в этом кошмаре рабстве.

Он не знал, понимает ли она то, что творится, или просто ей стало любопытно.

– Но он был изгоем, все, что говорил князь – далеко от нас, нас не могло это коснуться, и влиять на нас не могло.

Евдокия смотрела спокойно на буквицы, старалась что-то для себя извлечь, а он через плечо тоже пытался читать то, что там написано был

Когда он спросил о рукописи у митрополита, тот только и сказал, что крамола в ней великая, и потом душу умиривать придется, после того, когда узришь, что там начертано. Он знал, что жена ничего не расскажет Алексею, но даже если и скажет, какая ему разница. Он должен, наконец, обо всем узнать сам. К себе они возвращались молча. Митрополит вышел к ним навстречу. И остановились они в чистом поле под бескрайним голубым небом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.